

Крест

КАТИ БЕЯЗ
ЛЕТАРГИЯ

16+

Кати Беяз

Летаргия

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кати Беяз

Летаргия / Кати Беяз — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-97449-4

Случалось ли у вас такое, что сюжет из сна однажды стал неотъемлемой частью вашей жизни? Более красочной, более эмоциональной и более реальной жизнью, чем та, в которой вы живете? Сон, как яркий осколок стекла в безликом витраже, преобразует серые будни, вырывает из реальности и толкает героиню на поиски ответов. Что, если жизнь во сне реальна, а события связаны? Возможно, для человеческого сознания не существует границ и препятствий. А может подобные сны - это всего лишь чей-то научный эксперимент? Роман "Летаргия" не является реальной историей, но состоит из вполне реальных снов вполне реальных людей. Некоторые принадлежат лично мне – автору сего творения, но большинство было мной позаимствовано. Если вам показалось, что герои романа «Летаргия» похожи на известных или знакомых вам людей, знайте – вам просто показалось. Эта история про волны, но не морские. Про вполне реальный мир, которого нет на карте... И про любовь.

ISBN 978-5-532-97449-4

© Кати Беяз, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Введение	5
Глава 1	6
Ларри	6
Глава 2	17
Майя	17
Глава 3	28
Глеб	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Кати Беяз

Летаргия

Введение

– Смерть сознания может стать точкой невозврата, Майя! – не уставал инструктировать Борис. – Ты не должна там умирать, слышишь?

– О чем речь, Борис!

Впрочем, я как медицинский психолог прекрасно понимала, о чем речь. В науке психологии есть такое понятие, как смерть разума. Под ней подразумевается момент, когда человек поверил в собственную смерть. Но каким же невероятным образом такое может произойти и вследствие чего? Нашим клиентам зачастую кажется, что для психолога нет запретов, кроме как неразглашение их тайн. Однако, это лишь на первый взгляд. На самом деле в психологии гораздо больше запретов, чем разрешенных приемов, потому как слишком многое способно необратимо навредить сознанию. Одним из весьма серьезных запретов является инсинуация под гипнозом ситуации, приводящей к воображаемой смерти клиента.

Гипноз особое состояние, при котором сознание максимально оголено, и если оно поверит, что умерло, то в реальности нашего мира человек больше никогда не проснется. Его тело впадет в летаргический сон – оно продолжит существовать исключительно биологически. Такая жизнь будет подобна коме, и возможна лишь потому, что сознание однажды поверило в свою смерть. Мы то, во что мы верим – и в данной ситуации это звучит страшно.

Ни один ученый толком не может объяснить этот процесс. Никто не знает, что необходимо сделать, чтобы сознание воскресло. Никто не может ответить проснется ли когда-нибудь человек от летаргии или нет.

Но, пожалуй, самым поразительным по сей день остается то, что если бы в нашей культуре мы всячески поддерживали глубокую веру в загробную жизнь, подобно древним египтянам, или реинкарнацию, подобно восточным религиям, то умершее однажды сознание можно было бы без труда воскресить.

– Майя, я ведь не шучу...

– Я знаю, знаю, Борь! Не переживай, все будет хорошо...

Глава 1

Ларри

Мое дежурство подошло к концу. Сделав последние записи в журнале, я схватила плащ и сумку, готовая покинуть здание больницы. Накинув плащ, я обнаружила в его кармане записку: «Заеду в обед. Долго не спи, соня!»

Сообщение не вызвало особых эмоций, видимо, я слишком устала за эту ночь, чтоб еще думать о дне. В самом начале смены привезли парнишку с рассеченным бедром – пришлось наложить восемнадцать швов. Всего через час в приемном уже была девушка с отравлением – наглоталась таблеток, промывали желудок, выжила. Еще через час у старика прихватило сердце. А в перерывах приезжали с температурами, кашлями и гайморитами – осеннее обострение. Всю ночь в отделение звонил псих и жаловался на внутреннее беспокойство, а когда мы перестали принимать от него звонки, он не поленился и пришел под дверь скорой помощи. После пятнадцатиминутного разговора с ним я уже была рада пьяному дебоширу с переломом.

Было шесть часов утра, и свет мягкой розовой вуалью окутал автомобильную стоянку.

«Где эти чертовы ключи?»

Копаясь в сумке, первые звуки, что я услышала, был визг тормозов. На парковку с дороги влетел тонированный автомобиль, усеянный отверстиями от пуль, заднее стекло которого было вовсе разбито. Он неумолимо приближался ко мне, и я рефлекторно побежала. Автомобиль догонял и уже очень скоро остановился в нескольких шагах от меня. Я услышала, как открылась дверь и кто-то подбежал ко мне сзади. Крепкая хватка парализовала руку, а в поясницу впилось, кажется, самое настоящее дуло пистолета.

– Стоять и без криков, – приказал жесткий голос.

– Что вам нужно? – испуганно зашептала я.

– У нас раненый, ему необходимо вытащить пулю. Сейчас ты разворачиваешься и садишься со мной в машину.

– Но я медсестра, – я попробовала испытать свою удачу.

– Тогда мы с тобой сейчас идем в больницу и забираем с собой хирурга, – пистолет впился в правую почку сильнее.

– Не надо, я вытащу, но у меня ничего с собой нет – ни стерилизаторов, ни инструментов...

– Не волнуйся, заедем в аптеку.

Высокий жилистый мужчина с перебитым носом повел меня к черному автомобилю. На улице было ни души, лишь только один быстро удаляющийся мужской силуэт. Его раньше здесь не было, и он словно не хотел замечать, что происходит вокруг. Взгляд ненадолго застыл на нем, и тот вскоре обернулся. Я тут же поняла – мужчина минуту назад вышел из этой машины. Жилистый усадил меня на переднее сидение, а сам сел сзади и подпер раненого. Тучный водитель надавил на газ, и машина рванула с места. Я торопливо пристегнулась и украдкой посмотрела назад.

– Куда ранение?

– В ногу.

Я глянула на залитое кровью сидение и джинсы раненого, где выше середины бедра был туго затянут коричневый кожаный ремень.

– Далеко ехать? – озадачилась я.

– До аптеки уже почти доехали, впрочем, тут и останемся.

Это было, пожалуй, самое разумное из всех решений, принятых этим утром.

Машину занесло на тротуар, и я вцепилась в дверную ручку. Колеса резко затормозили, и, подавшись вперед, я снова притянулась ремнем к сидению.

– Приехали, – констатировал водитель, вытащил пистолет и направил его на меня. – Выходим!

Я обняла сумку и вышла на безлюдную улицу. Вскоре он догнал и подхватил меня под руку, подводя к окну аптеки.

– Сейчас я отвлекусь на аптекаря, а ты без шуток. Пуля догонит любого, поняла?

Мне не хотелось отвечать на это, но я решила все же взмахом показать, что услышала его.

В окне показался молодой парень, еще недавний студент.

«Не натворил бы чего... героического!»

– Открывай дверь, – глухим басом произнес бандит, угрожая юнцу пистолетом.

Тот округлил глаза и испуганно перевел взгляд на меня. Я постаралась наиболее красочно при помощи мимики попросить его о послушании. Он перевел взгляд на мой врачебный костюм под плащом и встревоженно нахмурился.

Однако вскоре послышался треск замков, и тяжелая дверь отворилась. Громила махнул сообщникам в машине, и жилистый вывел раненого на улицу.

Паренек засуетился, увидав окровавленную ногу полуживого, но довольно крепкого мужчины. Он ринулся к прилавку, но тут же был остановлен громилой. Тот занес руку, чтоб вывести паникера из сознательного в бессознательное состояние, но вовремя остановился.

– Без него я ничего здесь не найду! – агрессивно выкрикнула я.

Громила остановился и пихнул студента ко мне. Раненого уложили за прилавком на полу, и я шепнула парню:

– Мне нужен местный анестетик и дезинфектор открытых ран.

Парень на мгновение застыл у одного из шкафов, словно вспомнил местонахождение препаратов.

– Такое нечасто просят в аптеках, все в подсобке, – он кивнул на железную дверь в углу за прилавком.

Я кивнула и проводила его взглядом. Рука аптекаря незаметно коснулась красной кнопки под кассой, и, ничем не выказав вызова полиции, он зашел в подсобку. В следующую секунду брякнул замок, и мы поняли, что он там закрылся.

«Черт!» – пронеслось в голове.

Бугай тотчас подлетел к двери и принялся ее выбивать. Жилистый был где-то снаружи, отгонял автомобиль, и момент, чтоб выбежать на улицу, показался мне вполне подходящим. Но, если я это сделаю, человек, лежащий передо мной, умрет.

– Эй, сейчас кто-нибудь точно вызовет полицию, – не удержалась я и прикрикнула на громилу.

Тот остановился, звучно выругавшись.

Я подлетела к шкафу, куда смотрел аптекарь, и с облегчением нашла там анестетик. Ниже были обнаружены бинты, тампоны и послеоперационные пластыри. Немного правее был дезинфектор, а на прилавке я нашла различного калибра изогнутые и прямые пинцеты.

Провозившись не менее пяти минут, я наконец нащупала и извлекла пулю. В помещение влетел жилистый, а вдалеке послышались звуки сирен.

– Что там у тебя? Шевелись! – он перегнулся через прилавок, разглядывая залитый темной кровью пол.

– Пулю я извлекла, но задета вена, – мои руки дрожали, но я накладывала тугую повязку уже практически на автомате. – Эти повязки надо постоянно менять. У вас там есть врач, куда вы его везете?

– Есть, – сурово кинул жилистый, – осталось только довести! Все, поднимайся, пошли! Эй, бери ее, пошли.

– Оставьте меня здесь, я выполнила все, о чем вы просили!

– Шевелись, – пробубнил громила, поднимая меня с пола. – Быстро!

Я схватила сумку, и мы снова выбежали на улицу. Перед аптекой стоял уже совершенно другой автомобиль с другим водителем. Громила забросил меня на заднее сидение, а сам сел спереди. Под бок свалился раненый, которого вскоре подпер жилистый блондин. Вспомнив их стиль вождения, я мигом пристегнулась, и машина рванула с места. Новый водитель – седой мужчина средних лет – управлял автомобилем намного профессиональнее громилы. Мы уверенно отрывались от погони, и моя тревога нарастала.

«Зачем они меня забрали? Что будет, когда мы оторвемся? Эти люди – бандиты, как можно ждать от них добра и благодарности? Хотя в первую очередь они все-таки люди...»

Пока я успокаивала себя, мы свернули в узкий переулок, из которого в еще более узкий, пока на пути не появилось выстроенное из серых блоков ограждение. Даже опытный водитель не успел среагировать, и мы на скорости влетели во что-то упругое. Ремни стянули меня, не пуская вперед. Голова дернулась к твердому подголовнику, но в нескольких сантиметрах от него остановилась. Другим повезло меньше, чем мне и двое из бандитов от ударов потеряли сознание. Жилистый выскочил из машины, но был пойман оперативниками. Раненый не имел пистолета и не мог бежать, и я рванула дверную ручку, чтоб выйти к своим спасителям.

– Сидеть, не двигаться! Руки, покажи руки! – раздались крики полицейских.

«Что? Они мне, что ли?» – недоумевала я.

Но когда наручники коснулись моих запястий, все сомнения вмиг исчезли.

– Черт подери, ну и утро! Я заложница!

Ответа не последовало, и офицер пересадил меня в полицейскую машину.

– Я врач, меня похитили, чтоб прооперировать раненого... – я взглянула в глаза полицейскому.

– Расскажите на допросе, – безэмоционально ответил он и хлопнул дверью.

– На допросе?!

Я откинулась на жесткое сидение. Здесь не было привычной мягкой обшивки, двери – из гладкого пластика без единой выемки, вместо стекол – противоударный пластик в мелкие отверстия. Такой же разделял меня с водителем.

– Не потеряйте мою сумку! – переключилась я на водителя.

– Не беспокойтесь, – послышался сухой ответ.

И он был прав, здесь было куда спокойнее, чем в одном авто с бандитами.

Меня завели в переполненный полицейский участок и посадили на раскладные кресла рядом с ночными бабочками, выловленными той же ночью. Они начали приставать ко мне, и после пристального взгляда проходящего мимо громилы я даже различила их слова.

– Замочила кого, подруга?

Я нахмурилась, но вскоре заметила кровавые пятна на своем больничном костюме.

– Я надеюсь, мы будем в одной камере, если ты отхватила одному из них хозяйство! – расхохоталась грудастая проститутка, присевшая рядом и собравшаяся меня обнять.

«Ну, все, хватит!»

Терпению подходил конец. Я вскочила на стул и схватила проходящего мимо полицейского за рукав.

– Где ваш начальник? Я всю ночь оперировала, утром меня выкрали со стоянки, и я оперировала снова! Мне плевать, какие у вас здесь правила, но я не собираюсь сидеть в компании про... В этом коридоре! Отведите меня в отдельную комнату, дайте воды и пришлите следователя!

Высокий, как башня, полицейский покосился и убрал с себя мои руки.

– Сядьте!

Я села, а ночные бабочки перестали быть со мной любезными. После нескольких толчков и колкостей с их стороны высокий офицер все же вернулся за мной. Протиснувшись сквозь толпу разукрашенных металлистов, трясущихся наркоманов и агрессивных подростков, я наконец зашла в абсолютно пустую комнату. Посередине стоял стол, пара стульев, в углу красовался кофейный аппарат.

Сейчас это была самая прекрасная вещь, которую я имела счастье видеть. Я схватила один из двух оставшихся картонных стаканов и нажала на кнопку «Латте». Машина скрипнула, дернулась и брызнула на дно молочной пеной. Я не отступала и тут же нажала «Эспresso» – аппарат плюнул ржавой слюной и принялся мигать.

– Твою ж... – не сдержалась я и ударила по бестолковой машине, которая тут же погасла. В комнату вошел темноволосый статный паренек с бутылкой воды в руках.

– Младший следователь Смитт. Прошу, присядьте.

Он указал мне на один из двух стульев, что было совсем не обязательно – здесь и так из мебели ничего больше не было.

Смитт поставил на стол диктофон и попросил меня начинать свой рассказ.

Полный подробностей рассказ занял около двадцати минут, после чего он попросил меня дать словесный портрет человека, что предположительно вышел из машины и скрылся близ больницы. Диктофон был выключен, вода допита, и я попросила у Смитта свою сумку, собираясь покинуть здание.

– Мне жаль, но вы пока что не можете покинуть участок, – внезапно осведомил тот.

– Но почему? – мгновенно вскипела я.

– Ваш рассказ будет прослушан старшим следователем, а затем он задаст вам по нему вопросы.

– Что? – зашипела я, словно змея. – Где этот ваш старший следователь? Где он, черт его подери?

Отпихнув Смитта от двери, сквозь которую он хотел улизнуть, я увидела нескольких человек, наблюдавших сквозь огромное окно за допросом громилы. Женщина в строгом костюме, пузатый раскрасневшийся увалень в штатском, странный кучерявый модник в коричневом твидовом пиджаке и пара крепких офицеров в форме.

– Кто здесь старший следователь? – выкрикнула я.

Смитт попытался вернуть меня в комнату, но я снова вырвалась.

– Я устала, не мылась, оперировала в аптеке на полу под дулом пистолета, я ужасно хочу кофе, а еще больше я хочу домой в кровать после ночной смены!

Все пятеро уставились на меня, а Смитт снова потащил в комнату допроса.

– Смитт! – крикнул кучерявый. – Отставить!

Он слегка улыбнулся и прищурился.

– Я сейчас подойду к вам, задам пару вопросов – и вы свободны, – он обратился ко мне. – Договорились?

Его спокойствие и уверенный тон охладили меня, и я вернулась в комнату. Смитт спешно захлопнул дверь, что была оснащена ручкой лишь с одной стороны и с моего места походила на еле заметный прямоугольник в стене.

Старшего следователя пришлось ждать не меньше десяти минут, зато появился он в дверях, держа мою сумку. Он снова смущенно улыбнулся тонкими губами в обрамлении светлой щетины. Его лицо было слегка тронуто веснушками, с которыми контрастировали, словно грозовое небо над золотой пшеницей, серые выразительные глаза.

– Ларри, – он сел напротив, сверля меня взглядом.

– Эмма...

– Скажите, Эмма, как вы оказались на автомобильной стоянке около больницы?

– Мое дежурство закончилось, и я решила, если сейчас нет войны или пандемии, то я вполне могу соответствовать графику, составленному больницей, – напористо протараторила я.

Ларри снова улыбнулся, уйдя в какой-то листок с расписанием, и лишь мельком взглянув мне в глаза.

– Вы вышли на пятнадцать минут позже, именно тогда, когда на стоянку подъехал черный автомобиль марки «ауди» эл оу тринадцать восемьдесят шесть.

– На что вы намекаете, Ларри?

– Мне надо знать, почему так совпало! – уже без намека на улыбку произнес он.

– Потому что я невезучая, – не менее серьезно ответила я.

Он посверлил меня взглядом и снова заглянул в бумаги.

– Аптекарь дал показания, что вы были заодно с бандитами. Что вы можете сказать по этому поводу?

– Я старалась, чтоб никто не погиб тем утром.

– Поясните, – Ларри откинулся на спинку стула, слегка прищулив глаза.

– Если б юнец сопротивлялся, они б его пристрелили, а если б тянул время, то мог погибнуть раненый, и тогда мы с этим студентом точно не жилицы.

– Откуда вы узнали, где искать в аптеке медикаменты? У вас было чрезвычайно мало времени.

– Аптекарь перед тем, как сбежать в подсобку, уж осознанно или нет, но взглядом дал мне понять, что и где хранится.

Ларри слегка поднял подбородок и брови.

– Да я же видела, что он нажал кнопку экстренного вызова! Вы что думаете, если б я была с ними заодно, то не сказала бы об этом? Вы же явно уже проверили мой телефон и звонки из больницы, неужели не ясно, что я жертва?!

– Мы проверяем, – спокойно ответил Ларри.

В комнату вошел Смитт, что-то шепнул Ларри на ухо и тут же вышел.

Я симитировала позу Ларри и выдала первое, что пришло мне на ум.

– Что, бугай признался, что я всего лишь заложница?

Ларри резко поднял на меня глаза. Я улыбалась уголками губ, торжествуя маленькую, но все ж победу, и предвкушая долгожданную свободу. Следователь был серьезен и, изучающе застав на мне, ненадолго погрузился в раздумья.

– По-моему, все очевидно, Ларри, – я практически легла на стол, взывая открытыми ладонями к его благоразумию. – Я могу дать подписку о невыезде, мой отпуск все равно нескоро!

Наконец его лицо приобрело мягкость, а изогнутые губы чуть расплылись в приятной улыбке.

– Мы очень давно ловим их. Эта шахматная партия длится годами, поэтому мне важна каждая их пешка и каждый сделанный ими шаг.

– Что они натворили? – я замотала головой.

– Они специализируются на похищении людей, Эмма, – Ларри встал и зашагал по комнате. – У них есть свои люди практически везде: врачи, юристы, даже полицейские – в прошлом месяце нам повезло пошерстить по отделам и выловить этих блох. Но группировка постоянно пополняется, отличается прекрасной тактикой и планированием.

– Зачем они похищают людей? – нахмурилась я.

– С целью выкупа.

Он снова глянул на меня исподлобья и подошел к бумагам.

– Вот бланк – подписка о невыезде. Подписывайте, и офицер отвезет вас домой.

Я схватилась за ручку и украсила стройный бланк неразборчивой докторской закорючкой.

– Благодарю, Эмма, за ваше содействие полиции, – он протянул мне открытую ладонь.

Я протянула свою, но, как только рука дотронулась до Ларри, по телу прошла будоражащая дрожь. Стараясь скрыть нахлынувшую волну непонятных эмоций, я потупила взор и нервно заморгала. Следователь вышел из комнаты, напоследок застыв в дверях. Я ответно посмотрела на него, все еще недоумевая, что только что произошло между нами.

В комнату вошел офицер.

– Пройдемте!

Вскоре мы были у черного автомобиля, и он открыл мне дверь, приглашая присесть на заднее сидение.

«Сама галантность», – раздраженной мыслью пронеслось в голове.

Я выдавила улыбку и села в затемненный салон – здесь горел тусклый свет, ароматно пахло кофе и сидел Ларри.

– Ваши вопросы не закончились? – не скрывая удивления, произнесла я.

– Закончились, но ваш телефон еще на проверке. Его должны принести с минуты на минуту, а я решил составить вам компанию.

Нас разделял узкий откидной столик, на котором в ожидании томились два картонных стакана с бодрящим напитком и тонкая вазочка с миниатюрной розой. Кофе мигом оказался в моей руке, а вазочка с цветком хоть и была невероятно простой, но притянула взгляд надолго.

– Я видел, вы пробовали взять кофе в автомате. Прошу извинить, этим утром у нас в участке аншлаг, как вы могли заметить.

– У вас там кругом камеры? – смягчившись после долгожданного глотка, спросила я.

– Эм, да... на каждом углу, – он смущенно почесал затылок.

Кукольные кудряшки упали на лоб, и Ларри постарался убрать непослушные волосы за уши. Станный образ для следователя, слишком мягкий, что ли?!

Мы молчали, наслаждаясь напитком. Тишина была более чем уместна после шумных коридоров полицейского участка.

От оглушительного рева я буквально подпрыгнула к потолку – неподалеку кто-то по ошибке включил сирену. В следующую секунду роза кольнула ногу, и я почувствовала, как вода из опрокинутой вазочки растеклась по брюкам. Ларри тут же схватил салфетки с логотипом кафетерия, припрятанные в бумажном брендовом пакете, и принялся пропитывать ими мою одежду.

– Нервы ни к черту, – коротко оправдалась я.

Его руки ловко выкидывали одну намокшую салфетку за другой, пока в спешке мы не коснулись друг друга. По коже прошла непонятная, но крайне чувственная волна. Ларри замер, медленно поднял глаза и застыл на моих губах. Нас разделяли считанные сантиметры, и, успев лишь нервно моргнуть, я вдруг ощутила его нерешительный поцелуй. Сказать, что я не ожидала, – не сказать ничего. Однако его губы оказались нежными и весьма приятными, а волосы чуть слышно пахли ментолом. Так странно, полчаса назад я ненавидела этого мужчину, но сейчас его близость совсем не отталкивала, и даже наоборот... Он отстранился, быстрым движением глаз проверяя мою реакцию – я находилась в исступлении. Мы оба не понимали, что с этим всем делать дальше, и я лишь слегка приоткрыла губы, призывая его повторить поцелуй. Ларри повторил, и на этот раз сделал это намного уверенней.

Так, к сожалению, не могло продолжаться вечно, и вскоре в затемненное окно кто-то постучал.

– Слушаю, – Ларри отстранился и опустил стекло.

– Сэр, телефон подозреваемой, – протараторил офицер, подавая родной глазу гаджет.

Оставив парня без ответа, следователь закрыл окно и растерянно протянул его мне.

– Он тебя отвезет домой, – Ларри махнул в сторону ожидавшего у машины сотрудника. – Именно сегодня у меня не так много времени на все, чего я так желаю. Если улик опять окажется недостаточно, то через сорок восемь часов эти типы...

– Можешь не объяснять. Я совсем не прочь добраться до кровати и наконец выспаться после тяжелой ночи.

Он снова приблизился так, что можно было различить его прерывистое дыхание. На этот раз Ларри довольно страстно целовал мои губы, словно уже начинал тосковать по ним. Вскоре следователь ловко выскочил из машины, набросив на плечи пиджак, и, не оборачиваясь, скрылся между автомобилями огромной парковки.

Моя пустота вдруг заполнилась яркими чувствами. Внутри каждый раз волновался океан, как только я прокручивала события последних минут, проведенных с Ларри в этой машине.

Яркий свет ударил в глаза, когда автомобиль покинул подземную парковку близ полицейского участка. Город озарился оранжевым солнцем, было около десяти часов утра. Я любила улицы своего родного города, а когда они были полупустые – особенно.

Ларри захватил мои мысли, которые теперь транслировали воображению яркие образы кучерявого следователя и вкус его поцелуя. Городские улицы закончились, уступая место низким домам с высокими заборами. Один из таких домов граничил с лесом и принадлежал мне. Автомобиль остановился, и, сухо попрощавшись с офицером, я вышла на улицу. В сумке не без труда нашлись ключи, и шея неистово заныла, предвкушая скорое расслабление в мягкой постели. Повторно повернув ключ, я нажала на ручку высокой, как и железный забор, калитки. С другой ее стороны раздался странный хруст какого-то механизма, и я интуитивно поняла, что если ручка поднимется вновь, то может произойти нечто спонтанное и крайне неприятное.

«Меня убирают как ненужного свидетеля», – мгновенно скользнула мысль.

Я обернулась и посмотрела на офицера полным ужаса взглядом. Исполняя приказ, он мирно ждал, когда я скроюсь из вида на своем приусадебном участке. Его глаза округлились, и он тут же связался с кем-то по рации.

– Не двигайтесь, – крикнул он, замерев у машины. – Группа прибудет не позже чем через пять минут. Вы слышите таймер, щелчки или любые другие звуки?

Я отрицательно замотала головой.

– Это хорошо, значит, механизм не на время. Но ручку следует держать в полную силу, любое ослабление нажима может запустить взрывчатый механизм.

От этих слов рука, как назло, лишилась сил. Бросив сумку, я аккуратно положила левую ладонь поверх правой. Минуты растянулись в часы, а тело уверенно приобретало тремор, когда наконец вдалеке послышались звуки сирен. Предплечья сковала боль, а в шее скопилось немыслимое напряжение. Сирены сменились хлопаньем дверей и короткими командными криками. Мелькающие сине-красные огни за спиной вошли в такт с нарастающим стуком в висках. Слева появилась фигура сапера. Словно сошедший с лунного ландшафта, он медленно продвигался ко мне с длинной палкой в руке, на конце которой блестело зеркало. Вдруг кто-то зашуршал справа, и я увидела его напарника, который заменил мои руки механическим фиксатором. Сзади в громкоговоритель кто-то крикнул:

– Эмма, отходи!

Я отбежала к полицейским машинам и напоролась на Ларри. Уткнувшись в его твидовый пиджак, я расплакалась, совсем потеряв над собой контроль. Его руки непривычно крепко обняли меня, стараясь забрать из тела остатки напряжения и боли.

– Я отвезу тебя к себе, – шепнул он.

Отстранившись, я тревожно взглянула в его глаза.

– Не волнуйся, они все разминируют, но оставаться здесь опасно.

– У тебя безопаснее? – недоумевала я.

Уж кто был реальной угрозой мафии, так это Ларри.

– Мой дом в двух кварталах от участка, может, это не безопасней, но значительно ближе и населенней, чем этот домик в лесу, – успокоил он.

Мы ехали по тем же улицам, но теперь в обратном направлении. Солнце слепило, прорываясь зайчиками сквозь редкую осеннюю листву. Мне было спокойно с ним, и, кажется, даже тревоги за собственную жизнь были успешно перебороты навалившейся усталостью. Твидовый пиджак Ларри смягчил его крепкое плечо, и я уснула совсем ненадолго, вдруг ощутив себя невероятно комфортно рядом с этим мужчиной.

– Просыпайся, мы приехали, – Ларри заботливо прошептал в макушку, вскоре уже вдыхая запах моих волос.

Двор окружали старинные жилые здания двадцатых годов. Ни в одной из этих многочисленных квартир просто невозможно было остаться наедине с собой. Подобная архитектура всегда отталкивала меня – законченного интроверта. Но сегодня был тот редкий случай, когда вид плотно заселенного квартала давал мне надежду дожить до вечера. В кармане задребезжал телефон. Я машинально взглянула на экран, стремительно считав имя «Лукас». Впрочем, быстроты Ларри было достаточно, чтоб со мной на пару узнать имя звонящего. Само собой, он не подал вида и, нежно обняв меня за талию, повел к высокому подъезду.

На ступеньках телефон завибрировал снова. Упорно игнорируя Лукаса, человека, время от времени скрашивающего мое одиночество, работавшего в одном со мной отделении и гулявшего на сторону от своей жены, я все же не могла скрыть досаду и смущение. Ларри не выказывал раздражения, но, когда надоедливые звуки смолкли, облегченно вздохнул. Мы вошли в просторный лифт, напоминающий размерами грузовой, и Ларри нажал кнопку с числом «двенадцать». Скрипучие двери закрылись, и лифт качнуло, заставив нас снова приблизиться настолько, что поцелуй оказался неизбежен. Мои руки просочились в густоту его кудряшек, и их мягкость на пару с мягкостью его губ буквально выбили из-под ног почву. Лифт остановился, в кармане плаща дребезжал телефон, но никто из нас более не желал обращать внимание на все безобразие, происходящее вокруг. Лифт открывался и, не дождавшись нас, закрывался. Под натиском Ларри он открывался снова, и все повторялось. Наконец мы сделали усилие над собой и оказались на лестничной площадке, все еще не имея сил оторваться друг от друга. В его руке зазвенели ключи, а в моем кармане ненавистный телефон с еще более ненавистным Лукасом. Я не видела помещение, куда мы вошли, оно лишь озарило мои полуприкрытые глаза обилием дневного света. Вскоре входная дверь была захлопнута, мой телефон выловлен из глубокого кармана и выключен одним ловким движением Ларри. А дальше я ощутила под собой мягкий диван и невероятно приятную близость упругого тела.

Ларри не был молодым юнцом, и многие пряди его светло-русых волос казались значительно светлее из-за прикосновения редкой седины. Но особые требования профессии и образ его жизни не давали мужчине отрастить животик и забросить упражнения в спортзале. Он был среднего роста и довольно среднего телосложения, но напряженные мускулы делали его тело рельефным и еще более желанным.

Откинувшись на спину, он облегченно вздохнул, убирая со взмокшего лица прилипшие волны волос.

– Этот день был лучшим за последние десять лет моей жизни, – слышался его мягкий голос.

Я усмехнулась, не желая признаваться, что, как сейчас, у меня не было ни с кем и никогда.

– Мне надо идти, – повернулся он на бок.

Я же от этих слов захотела раствориться в его серо-голубых глазах, чтоб не расставаться с ним никогда.

– За подъездом наблюдение, и ты всегда можешь позвонить мне лично. И не стесняйся пользоваться городским, если нет желания включать мобильный.

– Лукас...

– Мне не обязательно знать о нем, если этот человек останется исключительно в твоём прошлом, – перебил меня Ларри.

Он торопливо одевал рубашку и вскоре уже застегивал на торсе оперативную кобуру, что большую часть времени была прикрыта твидовым пиджаком. Как много я бы отдала, чтоб остановить его и вернуть в кровать, но, помимо нашей страсти, Ларри имел страсть очищать город от криминала – намного более давнюю страсть, возможно, страсть всей своей жизни.

Он снова наклонился, и его поцелуй в который раз растревожил меня, словно тот, первый, этим утром в машине.

– Спи, ни о чем не думай – ты в безопасности...

– А ты? – я приподнялась на диване.

Он улыбнулся моей заботе.

– Если до сегодня дожил, то и до завтра доживу. Только теперь у меня больше стимулов.

Он захлопнул за собой дверь. И еще какое-то время я слышала, как он напевал какую-то мелодию, а громадное здание разносит ее эхом. Подъехал лифт, заскрипели двери, и Ларри уехал. Я осмотрелась в просторном зале, связанном с кухней одним пространством. Вокруг была простая светлая мебель, несмотря на довольно изящную лепку под высоким потолком, от которого практически во всю стену били дневным светом длинные окна. На противоположной стене огромная абстрактная картина, а рядом дверь в тесную спальню и ванную комнату – вот и все, что нужно одинокому полицейскому.

«Надеюсь, одинокому», – поправила меня наученная горьким опытом логика.

Раздобыв в спальне футболку и шорты, я ненароком осмотрела шкаф на наличие женских вещей. Не обнаружив ничего подозрительного, я бросила взгляд на одинокую тумбочку у кровати – ни фотографий, ни намек на частую гостью, лишь стопка книг.

Вполне опрятно заправленная широкая кровать выдавала одиночное место для сна – что ж, может, именно здесь закончится и мое одиночество тоже, через край наполненное ложью себе и другим.

Через минуту в моих руках включился снова телефон. Восемнадцать пропущенных от Лукаса! Он никогда мне не звонил так часто, даже когда упорно добивался нашей близости. Вдруг телефон снова принялся жужжать, на этот раз я решила поднять трубку.

– Алло?

– Эмма, Эмма! Ты где? Что случилось? У твоего дома полиция! Там все окружено, вход перемотан лентами! Ты где? Я сейчас же приеду! – тараторил он как заведенный.

– Лукас, между нами все кончено!

Мой голос был, как никогда прежде, полон уверенности и спокойствия.

– Что ты имеешь в виду? – оторопел он.

Даже не видя его, я тут же представила, как тонкие брови взлетели к безупречной укладке черных, как воронье крыло, волос, а нос стал еще острее.

– Все кончено, Лукас. Забудь меня и номер моего телефона. Я не надеюсь избежать с тобой встреч на работе, но отношения, выходящие за рамки нашей профессиональной деятельности, с этого момента перестают существовать.

– Я ничего не понимаю... Ты сейчас в шоке? Что, в конце концов, стряслось?

– Я просто наконец влюбилась.

Он молчал, лишь играя со своими выдохами и вздохами.

– Прощай, Лукас. Я кладу трубку.

– Постой, постой... А как же мы? Разве мы не были влюблены?

– Мне трудно говорить за себя. Возможно, когда-то я и... Но ты точно далек от влюбленности, раз до сих пор женат.

– Я объяснял тебе сотню раз, мой брак не имеет никакого отношения к моим чувствам к тебе.

Слыша эту фразу далеко не в первый раз, я в первый раз от нее скривилась – вдруг мне стало противно это слушать.

– Ну все, хватит! – я положила трубку и с облегчением вздохнула, но вскоре тот снова задребезжал.

Поставив на беззвучный режим, я бросила телефон в подушки дивана и подошла к окну. Вдалеке прорывалась сирена полицейской машины. Удивительно, я никогда не слышала их прежде, точнее, не различала в шуме большого города. Теперь же мне казалось, что в каждой из них Ларри, он спешит на опасное задание, заставляя меня волноваться.

Усталость взяла свое, и, легко перекусив, я упала на диван. Восемь новых вызовов от Лукаса заставили улыбнуться. Только встретив Ларри, я поняла, что никогда не любила нашего главного хирурга. Его настойчивый флирт на ночных дежурствах однажды перерос в нечто большее, и это нечто мне каждый раз в течение двух лет не хватало мужества прервать.

Я опустила веки, и я провалилась в сон, порою все еще слыша полицейские сирены.

В комнате было темно и тихо, когда я открыла глаза. Оглядевшись, я поняла, что Ларри еще не пришел. Тревога мгновенно расплзлась по телу, и я схватила телефон. Взглянув на время, я тут же ему набрала. Пока звучали длинные гудки, в голове мелькали разнообразные сценарии, почему старший следователь полиции в половине двенадцатого ночи был еще не дома.

– Я еду, – прозвучал мягкий голос, который буквально спас меня.

– Жду, просто волновалась.

Он улыбнулся на это – я слышала.

Уже в следующую секунду я перебирала продукты в холодильнике, удивляясь датам их срока годности. Здесь не было овощей или фруктов, здесь было практически нечего даже мазать на хлеб, кроме орехового масла, которым я уже перекусывала в обед.

– Ларри, что это за безобразие? Ты вообще живешь здесь? – возмутилась я вслух.

Высокие окна манили сверкающими огнями города. Отсюда я без труда видела противоположные здания с такими же квартирами, как и эта. Через дорогу моргал китайский ресторанчик, а за ним аллея с фонарями, что утекает блестящим асфальтом вглубь города.

С другой стороны двери зазвенели ключи, и в комнату зашел Ларри. В его руках был бумажный пакет, из которого торчала бутылка вина.

– Привет, – он оставил неуклюжий пакет на столе и поцеловал меня. – Я в душ, а ты разложи все по тарелкам.

«Лапша из китайского ресторана! В такое время, судя по всему, только он и работает...»

Ужин оказался лучше, чем я предполагала, а остроу китайской кухни умиротворило холодное вино.

– Твой дом разминировали, но пока поживи здесь, – отпивая вино, он профессионально сверлил меня взглядом.

– Мне бы не мешало взять оттуда немного своих вещей...

– Завтра можем съездить к тебе вместе.

– Ты их посадишь? – выдержав паузу, вкрадчиво спросила я.

– Надеюсь... – немногословно ответил он, почему-то переведя взгляд в даль длинного стола, отделяющего кухню от зала.

– Я переживаю за тебя. Твоя профессия...

Ларри заулыбался и, сделав громкий вдох, прервал меня:

– Моя работа – моя жизнь. Так много женщин хотели нас разлучить, и ты видишь, что из этого вышло, – он развел руками, презентуя свои холостяцкие хоромы.

– Но ты должен обещать, что будешь предельно осторожен! – разволновалась я.

– Я всегда осторожен!

Он не хотел продолжать выбранную мной тему, не хотела и я. Обойдя стул, я обняла его, утонув щекой в его пышных волосах.

– Что между нами происходит? – словно извиняя свои приставания, прошептала я.

– Не знаю, но мне это определенно нравится...

Он старался отвечать моему пылу, но было совершенно ясно: этот день оставил Ларри без сил. Мы добрались до кровати, и после нескольких долгожданных поцелуев его дыхание стало глубже, а губы расслабленной – он засыпал.

Такой чужой еще этим утром, сейчас он был мне роднее всех. Его профиль в свете окна украл мой взгляд надолго.

– Эмма? – сонно протянул он.

– М?

– Ты дышишь мне в лицо...

Я уткнулась в подушку, чтоб заглушить свой смех. Ларри расплылся в улыбке, не имея сил открыть уставшие глаза. Еще очень долго я трогала его волосы, вдыхала его запах и наблюдала за его мирным сном. Это походило на сумасшествие, еще никогда в этой жизни меня не посещали такие чувства.

Меня разбудили монотонные капли дождя. В руке осталось осязание кучерявых волос, и, клянусь, я еще слышала ментоловый запах Ларри. Ровный и довольно низкий потолок моей городской квартиры, серые от хмурого утра окна, тупое жужжание автострады. Где я? Где Ларри?

Я приподнялась на кровати, поняв, что все произошедшее было лишь сном. Я не была врачом, не жила в доме за городом, да и звали меня вовсе не Эмма.

Глава 2

Майя

Я никогда не отличалась фантазией. Все мои сны были черно-белыми, преимущественно дурными и выпадали из памяти уже к обеду. Если собрать и сравнить их с тем, что произошло прошлой ночью, то это приключение не походило на сон вовсе.

Мне повезло, что сегодня воскресенье, и не повезло одновременно. Погрузившись в работу, появлялась хлипкая, но все же надежда забыть, приспособиться и остыть от эмоций ночи. С другой стороны, как только один лишь нейрон вспоминал ночное приключение – все клетки организма перенимали его будоражащие волны, и теперь я уже совершенно точно не могла сконцентрироваться на чем-то дольше минуты. Вскоре накатившие волны превращались в цунами, неистово вырывающие меня в другую реальность. А Ларри? С Ларри я и подавно не знала, что делать. Он только что был здесь, рядом со мной, и вдруг его нет. Более того, Ларри никогда не было! Эта мысль убивала изнутри и сковывала грудь тисками, вызывая невыразимую боль тоски.

Я решила не вставать с постели. Мной овладела хандра, и, заварив кофе, я снова прыгнула под одеяло, где уже пригрелся Маркиз. Пришлось его подвинуть, на что он недовольно мяукнул и принялся лизать бок, где его успела коснуться моя невежественная рука.

Стояла золотая осень, но сегодня она была коричнево-серой и промозглой. Я облокотилась на спинку кровати, обняла кружку ароматного напитка и закрыла глаза. Я снова сидела с Ларри в автомобиле, и он задумчиво смотрел куда-то, а с минуты на минуту должна была завизжать сирена, что напугает меня. Ларри заботливо промокнет намокшую одежду салфетками, а потом... По телу пробежала чувственная волна!

«Это невозможно, так не бывает! Как мозг мог придумать все это? Ну ладно сюжет, любой голливудский фильм вполне мог так начинаться, но ощущения, мысли, в конце концов чувства? Как я могла влюбиться за одну ночь в человека, которого не существует, которого никогда не знала?»

Ларри не казался мне знаком, он отнюдь не был прототипом популярного человека. Более того, я знала точно, что никогда не встречала мужчину, даже приблизительно похожего на человека из сна. Вдруг мозг отказался верить логике, и я припала к постели, спешно разыскивая светлый кучерявый волос, случайно упавший с его головы.

Это походило на сумасшествие, когда я, наконец, бессильно упала в подушку и... почувствовала его запах.

«Я так сойду с ума», – довольно четко пронеслось в голове.

Мне не хотелось открывать глаза, потому что когда я не видела свою квартиру, я тут же переносилась в уже полюбившуюся квартиру Ларри. Дождь работал на пользу, и вскоре я снова ощутила сонливость, как вдруг за стеной раздался грохот.

– Сколько можно? – вырвалось вслух. – Как выходные или глубокий вечер, так он вечно там чем-то гремит!

О сне можно было забыть.

«Искать! Надо искать! Его не может не быть! Мы просто когда-то где-то потерялись!» – пришла вдыхающая в меня надежду мысль.

Схватив с тумбочки ноутбук, я уселась в подушках, полная намерений в какой-нибудь социальной сети непременно найти его, мужчину из сна.

Я штудировала страницу за страницей – ни одного совпадения не обнаружилось. Ларри из соцсетей были различного возраста, внешности и даже пола. Несколько страниц принадле-

жали породистым собакам, одна – упитанному коту, но ни одного кудрявого следователя, да что там, просто ни одного кудрявого!

«Неужели в мире так мало кудрявых?» – я задала вопрос гуглу.

Появилась интересная статья, обещающая раскрыть процент уникальных людей в мире. Что ж, почему бы не отвлечься от старшего следователя?

Согласно написанному только двадцать процентов людей на планете не имели зубов мудрости. Я вспомнила, как однажды стоматолог, удивлённо рассматривая мои снимки, несколько раз подряд переспросил, не выпадали ли мои зубы мудрости. Тогда же выяснилось, что у меня их не существовало вовсе. Теперь я входила в исключительные двадцать процентов, что вызвало улыбку во все двадцать восемь зубов. Кудрявых по статистике было всего одиннадцать процентов от всего населения планеты, светловолосых с рыжиной лишь один-два процента, обладателей голубых и серо-голубых глаз оказалось лишь восемь процентов, а значит, Ларри был настоящей редкостью.

Раз у меня не было реальных шансов найти человека из сна, возможно, я могла разыскать объяснение подобным снам. Вскоре среди бесполезных ссылок я наткнулась на весьма любопытный чат о сверхъестественном. Регистрация не отняла много времени, и вскоре я уже знакомилась с необъяснимыми явлениями, прилетающими со всех концов нашей большой страны. Среди полтергейстов и домовых, заблудших приведений, астральных пришельцев и самого дьявола не нашлось ни одного сна, реальность которого была бы неотличима от бодрствования. И хоть некоторые из активных участников чата о сверхъестественном постоянно выходили из своих тел и бродили в невидимых глазу мирах, их истории мало походили на то, что я пережила прошлой ночью. Но, может, кто-то все же пережил и молчит в страхе остаться непонятым?!

Я принялась перебирать возможную формулировку объявления, и фраза «до жути реальные сновидения» показалась мне максимально подходящей. Через несколько секунд новый пользователь чата по имени Майя опубликовала объявление, полная версия которого звучала так: «Если у кого-то случались до жути реальные сновидения, прошу связаться со мной для обмена опытом». Чат ненадолго замолчал, затаилась и моя надежда. Но спустя всего пару минут виртуальный Инкубус написал: «Я только что слышал, как изнутри гудит планета! Кто-нибудь еще это слышал?»

Нахмурившись, я отошла от компьютера и в преддверии обеда приготовила завтрак. В этот необычный день не смотрелись фильмы, не читались книги, и не слушалась музыка. Любой намек на романтизм вызывал во мне воспоминания и будоражил с головы до пят. Я решила переключиться на поиск в интернете схожих сновидений и теорий их возникновения.

Самая первая статья выбранной тематики заставила меня отшатнуться от монитора.

«Сны, которые видят люди, больные шизофренией...»

Об этом я как-то не подумала! И, сделав глубокий вдох, я опустила взгляд в статью.

«Шизофрения – это тяжелое психическое заболевание, и чем дольше человек болен данным расстройством, тем насыщеннее он видит сны. Цвета становятся ярче, а переживание эмоций в разы сильнее, чем в повседневной жизни. Чаще всего больным сняться несвязанные между собой пугающие образы. Бывает, в снах присутствует жесткое и насильственное содержание. Сопровождаются эти сновидения сильными переживаниями давно забытых, а порой даже несуществующих эмоций и чувств. Еще одним признаком данного психического заболевания является посещение сновидцем нереальных или параллельных миров.

Нужно обратить особое внимание на психическое состояние, если вам снится один и тот же повторяющийся сюжет. Доктора медицинских наук связали факт повторяющихся в течение одной ночи сновидений с острой формой шизофрении...»

Меня бросило в холодный пот, и я отошла от ноутбука. Работа психологом не делала меня особенной, и я прекрасно понимала, что если больна психически, то не смогу самостоятельно признать это. Однако также я понимала, что симптоматика столь тяжелых заболеваний

не приходит исключительно во снах, стало быть, должны были иметься и другие проявления. Но их не было. Я не слышала голосов в своей голове, не разговаривала со стенами, вела себя обычно и по отзывам друзей достаточно вменяемо.

Успокоившись, я снова подошла к компьютеру.

«Цветные сны, – заявлял популярно-научный портал, – в которых отчетливо видно, в какой цвет окрашены все его детали, являются свидетельством психического расстройства, ведь больным шизофренией цветные сны снятся в двадцать раз чаще, чем здоровым людям...»

– Приплыли, – ругнулась я вслух.

Я снова отвела глаза от экрана и переключилась на спящего Маркиза.

– Давай, просыпайся! Ты же не собираешься проспать всю свою жизнь... Хотя я бы, наверное, не отказалась...

На что толстый ухоженный кот в полоску приоткрыл один глаз и любопытствующе взглянул на меня, будто что-то понял.

«Переживание абсолютной реальности того, что происходит во сне, – есть признак психического расстройства, – продолжал давить на мозоли портал. – Очнувшись после такого сна, больные еще долго не могут понять, происходило все во сне или наяву. Феномен впервые был описан Ф.М. Достоевским в романе "Братья Карамазовы", где Иван Карамазов не мог понять, в действительности ли он беседовал с чертом или это ему привиделось...»

В статье так же рассказывалось про людей с биполярным расстройством, отличием сновидений которых являлось переживание во сне необыкновенного счастья и любви. Здесь были сны больных анестезией, сопровождающиеся деперсонализацией. Знакомые места и близкие люди в таких снах воспринимались ими как что-то чужое и незнакомое. И наоборот – чуждые места могли показаться родными и знакомыми с самого детства.

– Что ж, либо этот сон имеет сверхъестественную природу, либо за одну ночь у меня обнаружился целый букет психических заболеваний, – прокомментировала я ситуацию, тут же повернувшись к Маркизу, чтоб слова были хоть кому-нибудь адресованы.

Жить одной – занятие довольно приятное, хоть и осуждаемое со стороны родителей и давным-давно семейных друзей. Однако я никогда не собиралась жить с теми, с кем жить мне не хотелось, а значит, мою нынешнюю ситуацию можно было считать одной из наиболее удачно сложившихся.

День протекал неторопливо, мне почти никто сегодня не звонил, и мало кто писал в интернете. Чат о сверхъестественном с повисшим там вопросом от нового пользователя Майи молчал. Хотя всего строчкой ниже бурлило обсуждение. Оказалось, что звуки из недр земли слышали аж тридцать восемь человек – все из разных городов нашей страны, а некоторые даже из различных климатических зон.

Я занялась уборкой дома и подготовкой к рабочей неделе, что ненадолго, но отвлекло. Затем был ужин на китайский мотив, бокал вина и космическая фантастика по телевизору без намек на романтизм.

Видимо, я уснула, и на улице уже светало, когда я открыла глаза. На груди появилась тяжесть, и я попыталась прогнать обнаглевшего Маркиза, но вместо кота нащупала чью-то руку. Подскочив на кровати, я резко повернулась и увидела Ларри. Он открыл сонные глаза и приподнялся.

– Что с тобой?

– Сон плохой приснился, – просипела я, не веря глазам.

– Хм, иди ко мне, – Ларри раскрыл объятия.

Я бросилась к нему и крепко прижалась, вдыхая полные легкие запах его кожи.

«Так, главное теперь не спать!» – прикинула я, поглаживая реальное тело вполне реального Ларри.

– Я так скучала...

– Когда ты успела? – сонно пробормотал он.

– Не знаю, Ларри, даже не спрашивай...

Я прильнула к его губам и целовала их, сколько могла. Ларри окончательно проснулся и перенял инициативу.

Вскоре крепкие руки страстно подхватили меня, самые милые на свете кудряшки вновь зашекотали шею, а все наши действия снова потеряли контроль.

– Что ты со мной делаешь? – шептал Ларри.

Я хотела бы знать не меньше него, но у меня теперь совсем не было сил, чтоб выплыть из этого океана любви и блаженства.

– Ларри, что это за город, что за страна? – спохватилась я, спустившись с небес на землю.

Он нахмурился, повернул голову и пристально взглянул мне в глаза. Я поняла, что прозвучала не слишком вменяемо, и быстро исправилась.

– Почему мы до сих пор не смогли найти друг друга в этом городе?

– Потому что ты слишком законопослушная горожанка.

Я звонко рассмеялась.

– Если бы знала, давно б что-нибудь украла.

Теперь смеялся Ларри.

– Кражами у нас занимается Родригес, ещё тот Казанова.

– Да у вас все отделение не промах, я посмотрю.

– На самом деле подобное поведение мне не свойственно, – Ларри расплылся в улыбке. – Я никогда ещё не путал личную жизнь с работой.

«Молодец ты, Ларри, не то, что я...»

На тумбочке шарманкой завелась повторяющаяся мелодия. Ларри потянулся и отключил будильник.

– Я сделаю тебе кофе, или ты еще поспишь?

– Как? Ты уже уходишь? – от возмущения я тут же подскочила.

– День полицейского начинается рано, а заканчивается поздно...

– Но ты совсем со мной не бываешь!

– Главное – не сколько, главное – как! – тихо произнес он, снова склонившись над моими губами.

– Мне тоже скоро на работу, только вот хотелось бы заехать домой, – начала я прокручивать в голове свой обычный день, постепенно забывая, что работа в больнице всего лишь сон.

– Ты пока под домашним арестом, – поцеловал меня Ларри, засунул ноги в тапочки и вышел из спальни.

– Надо как-то сообщить в больницу об этом, чтоб меня не уволили, – я крикнула ему вслед.

– Еще вчера сообщили, – раздалось из соседней комнаты. – Так ты будешь кофе или еще поспишь?

– Буду, буду!

Вскоре комната наполнилась приятным ароматом. Лари поставил на тумбочку мою кружку и начал одеваться. Я не могла отвести от него глаз. И когда он снова склонился ко мне, я запустила руки в его пышные волосы и томно прошептала:

– Не уходи!

Очевидно, сорвавшейся с губ фразой я больше умоляла себя остаться в этом мире, чем Ларри не покидать свой дом.

– Это ты куда не уходи, а я вернусь!

От этих слов в груди все сжалось. Вскоре зазвенели ключи, хлопнула входная дверь, и я осталась одна.

За плотными шторами пробивался утренний свет. Я подошла к окну, отдернула штору и взглянула на городской пейзаж. Здесь углом стояли такие же дома, как и дом Ларри. Двор был усеян машинами, резными фонарями и тонкими аллеями. Совпало или нет, но тут тоже была осень, и так же моросил дождь. Но самое поразительное было, пожалуй, то, что чем больше я здесь находилась, тем меньше помнила о жизни другой. С каждой минутой мир вокруг становился для меня все более обычным, а помыслы узнать об этом месте больше постепенно исчезали куда-то сами собой. Вот я только что помнила, что первым делом мне необходимо было узнать, а, подойдя к окну, уже забыла. Мысль словно кружилась вокруг, но лишь только я пыталась на ней сконцентрироваться, она тут же ускользала.

«Так, первым делом надо выяснить... Что я хотела выяснить?!»

Я забывала. Забывала откуда пришла, словно никогда не уходила.

«Что я спрашивала у Ларри? Или хотела спросить? Я, кажется, произносила слово город! Ну да, точно, мне же надо узнать, как называется этот город!»

Торопливо найдя в тумбочке ручку и блокнот, я написала на листке основные вещи, о которых мне стоило сегодня помнить.

«Я живу в России. Меня зовут Майя. Мне нужно узнать о Ларри как можно больше, чтоб найти его в своем мире, когда я проснусь».

Молниеносно схватив телефон, я принялась листать приложения в надежде найти поисковую систему гугл. Такого не оказалось, а мысль снова начала свой побег. В отчаянии я набрала первый номер, что попался на глаза, и это был телефон Лукаса.

Гудки продолжались целую вечность, когда, наконец, он истерично прошептал:

– Ты с ума сошла звонить мне домой?

– Лукас, в каком мы городе? В какой стране?

– Ты спятила?

– Возможно, но если ты мне не ответишь, следующий человек, которому я позвоню, будет твоя жена!

– Лионис!

– Это страна?

– Эмма, по тебе психушка плачет!

– Я знаю, – оборвала я, – так это страна такая?

– Это город! Страна – ДАФР...

– Что?

– Демократическая Англо-Франкская Республика... Это все, что ты хотела спросить в такую рань?

– Что вы обычно используете для поиска информации в интернете? Здесь интернет вообще есть? Спутники там, которые хранят информацию и передают ее тебе по первому же запросу... Сеть такая.

– Эмма, ты меня пугаешь. Разумеется! Есть море браузеров...

– Какой на моем телефоне? Как выглядит значок?

– Господи, да что с тобой, в конце концов?

– Амнезия. Частичная амнезия!

– Эмма, тебе нужен медицинский уход!

– Я в больнице, не беспокойся, – я замотала головой, стараясь вывести разговор в нужное мне русло.

– В какой, я приеду! – не растерялся Лукас.

– Скажу, если ответишь мне про браузер.

– Оранжевая комета – браузер Вильда.

Я тут же бросила трубку и снова зашла в приложения, что высветились на экране самого обычного андроида. Вильда обнаружилась сразу, и, нажав на оранжевую комету, я запросила показать карту мира. Алфавит, с которого я набирала, не был кириллицей, но он не вызывал во мне ни малейших сомнений в смысле слов и выражений, что печатали мои пальцы.

Появившаяся карта мира совсем не удивила. Океаны, моря и контуры материков виделись привычными и узнаваемыми. Однако абрисы многих стран казались другими. Англия, Германия и Франция объединились в огромное государство, господствующее в западной Европе, где собственно и находился Лионис. Всю Евразию заполнял огромный Союз Евро-Азиатский Стран СЕАС. По-видимому, Советский Союз не только не только не распался, но преобразовался во что-то новое и даже расширился, взяв под свое крыло Турцию и Финляндию.

«Как такое могло произойти? Когда и как повернулся ход истории?»

Я задала вопрос об объединении трех могущественных государств в западной Европе, на что Вильда ответила:

«Данный союз явился следствием перемирия столетней войны...»

Непостижимо, но в этом мире Франция не выиграла самую долгую в истории войну, а объявила перемирие, и поспособствовала этому Германия. Позже это ей откликнулось, и подобное решение повлияло на ход истории еще более значительным образом. Когда в Америке началась великая депрессия, англо-франкский союз поддержал немецкое финансирование, и нацистская партия не смогла окрепнуть до лидирующей.

– Люди этой Земли никогда не знали ужасы второй мировой войны... – почти беззвучно произнесла я.

Экран осветился входящим от Лукаса.

«Ну, что ему еще надо?»

– Аллю?

– Эмма? Ответь мне, что с тобой? Только скажи куда, я сию же минуту приеду! Я брошу семью, обещаю...

– Лукас, успокойся, тебе нет больше надобности никого бросать. Я ушла от тебя и не вернусь.

– Ты звучишь по-другому, ты никогда так со мной не разговаривала!

Совершенно очевидно, Эмма отличалась от Майи не только профессией, но и характером.

«А может, даже и внешностью», – проскользнула мысль.

Я отключилась от бессмысленного разговора с бывшим любовником и подбежала к зеркалу. В нем все отразилось практически таким же. Правда, мой нос был чуточку острее, скулы слегка более выразительные, а от особенностей французского прононса оставались кокетливые ямочки на моих щеках. Также у Эммы незначительно был шире лоб, а глаза, благодаря длинным ресницам, приобрели приятную раскосость. Эмма была сестра-близняшка Майи и, как это часто бывает, имела совсем незначительные, но все же внешние отличия. Ее каштановые волосы по плечи преображала приятная волна, тогда как мои всегда были прямыми, словно дождь. Эмма была худее и подтянутей – что ж, работа хирурга в больнице и в моем мире сильно отличалась от мирных приемов психолога.

Все указывало на то, что Эмма есть мой прототип в параллельном мире. Но как же она попала из России во Францию. Ведь Лионис – скорее всего, знакомый слуху Лион, город во Франции!

Мысль о другом мире или, разумнее предположить, о другом измерении будоражила воображение. Внезапно мне захотелось прогуляться по улицам, заглянуть в глаза прохожим, и, совсем забыв про осторожность, я решилась на маленькое, но совершенно беспрецедентное путешествие.

Ларри был ненамного меня выше, и, решив приодеться в его гардероб, я без труда выбрала рубашку и свободные брюки. Накинув свой неизменный черный плащ поверх довольно стильного оверсайза, я уверенно направилась к выходу. Лишь только оказавшись на лестничной площадке, я вспомнила о бандитах и встревоженно посмотрела на сменяющиеся цифры подъезжающего лифта. Девятка преобразовалась в десятку, у десяти вместо нуля появилась еще одна единица, которая вдруг превратилась в двойку, и сердце застучало сильнее. В доме на этаже всего лишь две квартиры, если это не к соседям, то только ко мне! Мысль о том, что еще вчера меня пытались подорвать у собственной калитки, велела сделать два шага назад. Я застыла на открывающихся железных дверях, когда мне навстречу вышел Ларри. Он держал огромный бумажный пакет, из которого торчал румяный багет. Ларри резко остановился, разглядывая мой странный вид.

– Эмма? Ты куда? – нахмурился он.

Было видно, что я сильно огорчила его своим необдуманным спонтанным поступком.

– Ларри, я...

– Я знаю, у меня совсем нечего есть, – внезапно он сам нашёл оправдание моим действиям.

– Я помогу тебе, – я подхватила пакет, пока он доставал ключи, – перекусишь со мной?

– Поел в участке, но спасибо, – он распахнул передо мной дверь. – Не буду заходить, а то придется остаться.

Поспешив поставить на стол пакет, я успела задержать Ларри в дверях.

– Не выходи, ладно? – прошептал он, перебирая между пальцев мои волосы.

– Обещаю, – я потянулась к его губам.

Он поддержал мой порыв, и наш страстный поцелуй затянулся надолго. Лифт снова скрипнул и поехал вниз. Мы с трудом преодолели притяжение и оторвались друг от друга.

– Тебе, кстати, идет, – Ларри обдал меня с ног до головы томным взглядом.

Но как бы я не желала, чтоб он остался, Ларри вызвал лифт и вскоре снова ускользнул, успев послать воздушный поцелуй в узкую дверную щель. Припав к закрытой двери, я глубоко вздохнула.

«Ах, Ларри, что же будет, когда я снова усну?»

Ванильный запах теплых круассанов разнесся по просторному залу и, смешавшись с ароматом кофейных зерен, разлился уютной пеленой. За окном стучал дождь, издавая напоминание о вчерашнем пробуждении.

«Что, если Ларри в моем мире тоже существует? Он, быть может, совсем и не Ларри и живет не в Лионе, но все же он есть! Его не может не быть! Осталось лишь найти. Хотя как же это сделать в нашем огромном мире?» – размышляла я, наблюдая из своего укрытия за бегущими под дождем прохожими.

Погрузившись в раздумья, я наткнулась на фильмотеку Ларри. Взгляд упал на продолговатый столик, до отказа забитый разноцветными дисками. Усевшись на мягкий ковер, я принялась их перебирать, рассматривая каждую обложку с огромным любопытством. Многих актеров я узнавала, и даже некоторые фильмы были знакомы, но подавались в совершенно неожиданных актерских комбинациях. Так, я с удовольствием посмотрела комедии «Красотка» и «Сбежавшая невеста» Гарри Маршалла, где вместо Ричарда Гира и Джулии Робертс Кевин Клайн влюбился в Карен Аллен. Романтические комедии в их исполнении очень позабавили, и, вдоволь насмеявшись, я снова подошла к окну. Несмотря на дождь, этот мир казался мне улучшенной копией мира другого. Я не могла объяснить почему, но искренне надеялась, что мне так кажется не только из-за Ларри. Человек устроен так, что непременно стремится найти улучшенную реальность, даже когда его собственная совсем неплоха. Будучи долгие годы практикующим психологом, я прекрасно осознавала свое стремление остаться Эммой и

выбрать яркие чувства, ведь их не было в жизни Майи ни в прошлом, ни в настоящем. И скорее всего, их не было в будущем.

Но что, если я найду второго Ларри? Прабабушка рассказывала, что в восемнадцатом веке кто-то из нашего рода женился на француженке. Возможно, в параллельном мире история моих предков повернулась так, что они переехали или даже бежали во Францию. Получалось, мне стоило расспросить Ларри о его корнях. Быть может, тогда у меня получится наметить карту регионов по его поиску.

«Но что, если он женат? Имеет пятерых детей? – пронеслось предательской мыслью. – В таком случае, мне лучше его никогда не знать!» – я грустно улыбнулась, представив раздобрешего Ларри с животиком и кучей детишек.

В пасмурный день быстро стемнело, и, найдя в Вильде рецепт наивкуснейшего рагу, я принялась его готовить, чтоб успеть к приходу Ларри.

Темнота нагоняла тревогу, и я тщетно гасила мысли о том, что уснув этой ночью, не смогу вернуться сюда снова.

Ларри пришел с работы раньше обычного и с порога заключил меня в страстные объятия.

– Я так скучал!

– И я... безумно...

«Ах, Ларри, что же с нами будет, если я больше не вернусь к тебе? Хотя у тебя останется Эмма, а у меня – незабываемый двухдневный роман!»

Я отпустила мысли, решив насладиться моментом с любимым, возможно, последним подобным моментом во всей жизни.

Ларри остался восхищен кулинарными способностями Эммы, которая, надо отметить, справилась не без помощи Майи. Мы пили вино и много смеялись, растворяясь в объятиях друг друга и вдыхая опьяняющий запах любви.

Глубокой ночью Ларри уснул изможденным, но счастливым. Я до самого утра наблюдала, как он мирно спал, изредка улыбаясь во сне. Не имея сил отпустить свою новую реальность, я изо всех сил боролась с навалившейся сонливостью.

Открыв глаза, я поняла, что все-таки вино и усталость взяли свое, и в какой-то предрассветный час я уснула. На тумбочке всюду играла незамысловатая мелодия будильника. Я подскочила на кровати – Ларри рядом не было.

На глаза накатились слезы, а грудь сковала тупая боль. Я нехотя встала и, словно зомби, собралась на работу, выполняя привычные действия в привычном ритме. На шоссе снова была пробка, и, отпивая кофе из термокружки, я машинально включила радио.

– Что вам сегодня снилось? – спросил радиоведущий.

– Мне? – протянул довольно юный голос позвонившей в студию гостьи.

– Да, да, вам! Что вам снилось?

– Мне снилось, что я хожу по полю и собираю букет из ярких цветов, – стеснительно произнесла девушка.

– Вы же влюблены, но пока ни с кем не встречаетесь, не правда ли? – резво заключил ведущий.

– Дааа, как вы узнали? – защебетал восторженный голос.

– Как он узнал?! – не выдержала я и включилась в разговор. – Если б у тебя был парень, милая, ты бы вряд ли звонила в такую рань на радиостанцию. Кто звонит? Лишь тот, кому нужна надежда. А кому она нужна? Тому, кто не спал всю ночь! И, судя по обилию робости в голосе, совсем не из-за ревности – это муки влюбленного ягненка. Но сейчас он расскажет тебе, девочка, про дедушку Фрейда, держись, не упади со стула.

– По соннику Зигмунда Фрейда, – напористо рассуждал диджей, – если вы видели фиалки, то в вас томятся сексуальные переживания, которые в очень скором времени выплеснутся к объекту вашего вожделения.

– Скажи ей правду! – выкрикнула я магнитоле. – Ну, ты же сам мужик!

– Да, это были фиалки, – довольно зазвенел невинный трепетный голосок.

– Давай же, скажи – ей ничего не светит! – подначивала я ведущего. – Парень давно в курсе, что она по нему млеет. Разочаруй ее, сообщи, что все кончено. И тогда, возможно, у нее появится реальный шанс, когда она перестанет по этому типу сохнуть.

– Вам стоит отважиться на реальный шаг, вместо воображаемого. И подсознание через сон вам об этом красочно говорит!

– О, боже... – сошла я на хрип.

Другая радиостанция предлагала зарубежную поп-музыку, что звучала немного выигрышнее предыдущего диалога. Перед глазами снова возник Ларри, а автомобиль наполнился чуть уловимым запахом ментола.

«Ах, Ларри, что ты делаешь? Счастлив ли ты в своем мире, очень надеюсь, что счастлив...»

Мой кабинет находился в центре города, в одном из старых зданий на широком и многолюдном проспекте.

Высокие потолки подъезда снова напомнили о квартире в волшебном Лионисе близ полицейского участка. Я бы отдала сейчас все, чтоб там сейчас оказаться.

Первая клиентка, несмотря на раннее утро, выглядела довольно усталой. Муж бизнесмен, она домохозяйка. Конечно, был и университет, и первая работа, где они с Леонидом познакомились. Но за время декрета Елизавета потеряла все наработанные ранее навыки, да и выходить на работу особого желания не имела. А муж инициативу продолжить блюсти детей и согревать домашний очаг поддержал. Но так случилось, что с появлением второго ребенка Леонид начал гулять, а Елизавета чахнуть.

– Он опять не ночевал дома! Майя, что мне делать? Разводиться?

– Зачем разводиться? Вам просто надо перестать жить его жизнью, живите своей!

– Вы предлагаете мне изменять мужу? – смутилась Елизавета.

– Только если вам очень этого хочется.

– Мне уже ничего не хочется, я слишком устала, – она тяжело вздохнула и посмотрела в окно на оживленный проспект.

– Елизавета, расскажите мне о себе в трех предложениях, – я сделала пометки в блокноте и подняла глаза, – начнем?

– Эм, мне тридцать семь лет, я образцовая жена и мать двоих детей...

Начало прозвучало нерешительно, и я подбодрила бедную Лизу к дальнейшему рассказу.

– Тааак, начало хорошее. Каким будет ваше второе предложение о себе?

Всячески подталкивая клиентку к рассказу о себе, я вдруг услышала следующее:

– Я сопереживающая и ранимая личность и ценю в семье мир и гармонию.

– Угу, – в блокноте пометила «под вторым пунктом тоже семья...»

– Я люблю вкусно готовить и путешествовать со своей семьей.

– Лиза, смотрите, – я повернула к ней исписанный блокнот, – в рассказе о вас мы видим три пункта, в которых написано слово семья! Здесь нет вас как личности, нет ваших интересов отдельно от семьи.

– И что это значит?

– Это значит, что вы растворились в своих близких и потеряли саму себя. Сквозь это все Леонид просто не может разыскать ту, в которую когда-то влюбился.

– Майя, вы намекаете, что я виновата в его походах налево? – возмутилась Лиза, бросив исподлобья придиричивый взгляд.

– Я не имею ни право, ни достаточно аргументов, чтоб делать подобные выводы, но я пытаюсь докопаться до истинных мотивов вашего супруга. Давайте поговорим о том, какой вы были до того, как встретили Леонида!

Елизавета непонимающе нахмурилась.

– Перенесемся на двенадцать лет в прошлое. Расскажите мне о себе! Что вы любите, как проводите вечера, есть ли у вас увлечения, хобби, какие вещи вас увлекают?

Лиза снова отвернулась к окну, демонстрируя свой строгий профиль.

– Я... я любила гулять по вечернему городу, – женщина ушла ненадолго в воспоминания. – У меня была подруга Олеся, так вот, она приходила ко мне домой и мы наряжались с ней, обменивались одеждой и обувью. Потом накладывали друг другу профессиональный макияж и шли покорять центральные аллеи и молодежные кафешки.

Ее глаза вдруг налились слезами – так сильно она скучала по тем вечерам.

– А где сейчас Олеся?

– Она вышла замуж за иностранца и уехала жить за границу, – Лиза вытерла насухо глаза. – Олеся сейчас во Франции, в Лионе!

Мою грудь сжало непонятным давлением.

– Где? – прохрипела я и тут же закашлялась – горло свело спазмом.

– Ну, в Лионе... С вами все в порядке?

Я нагнулась к полу, не имея сил прекратить удушающий кашель. Блокнот упал на пол, а ручка закатилась под кресло, в которое я вцепилась обеими руками. Елизавета вскочила с места и вскоре уже хлопала меня по спине.

– Майя, воды? – нагнулась она ко мне, заглядывая в лицо.

Я активно закивала, указывая на тесную кухню справа от входной двери.

Стакан прохладной воды помог, и вскоре я снова задышала в нормальном режиме. Воспоминания ночи буквально вырывали меня из реальности, и единственное, чего я сейчас хотела, – подвинуть кресло к окну, заварить кофе и наблюдать за бесконечным потоком машин, вернувшись мыслями к Ларри. Кому я могла помочь в таком состоянии? Никому...

– Милая Лиза, – я взяла за руки хорошо сложенную, приятной внешности натуральную блондинку с мраморной кожей и выразительными голубыми глазами. – Возможно, я возьму недельный отпуск, и мы не сможем некоторое время видеться. Поэтому слушайте меня внимательно, сейчас экстерном я расскажу вам беспроектный способ изменить свою жизнь. Первым делом посмотрите на себя – вы же шикарная женщина, наделенная красотой от природы, – щеки Лизы внезапно покраснели. – Займитесь тем, что так любили когда-то. Выделите себе час в день, только себе любимой и своему увлечению. Заведите блог в социальной сети и создавайте ролики, к примеру по профессиональному макияжу. Это будет и тренинг по повышению самооценки, и дело из счастливой молодости, которое дарило радость. Там же найдутся новые люди, способные ценить вас и вдохновлять. Сделайте этот шаг, и вы никогда больше не вернетесь в образ страдающей, вечно уставшей жены.

– Но интернет этим переполнен... – воспротивилась Лиза.

– Ну и что? Будьте миллион первая, но будьте!

– А у меня ведь и вправду столько косметики, которой я совсем не пользуюсь... Но Лёня, – она снова посмотрела в окно, – он же бросит меня, если увидит хоть один комментарий от мужчины.

– Не думаю. Обычно мужчинам нужны те женщины, на которых обращают внимание другие самцы. Это их сильный природный инстинкт, с которым даже вашему Лёне будет трудно бороться.

– Так, если я все сделаю, как вы говорите, то муж вернется ко мне?

– Честно? Я не знаю, Лиза, вернется ли к вам ваш муж, но для меня в разы важнее – вернетесь ли вы сама к себе, понимаете?

Она задумчиво поводила глазами по стене и вскоре торопливо закивала.

– Кажется, начинаю понимать...

– Отпустите тревоги, займитесь тем, что увлекает и дает расслабление уставшему от противоречий мозгу. Не делайте это для того, чтоб вернуть внимание и любовь мужчины, сделайте это, чтоб вернуть любовь к себе!

По ее щекам потекли слезы.

– Вы так правы, – навзрыд произнесла она, – я совсем о себе забыла. Все для детей, для мужа, а отдачи нет.

– И не будет, пока вы ее ждете!

– Но как же не ждать? – отшатнулась она.

– Разве вас кто-то просил собой жертвовать?

– Нет, – почти бесшумно призналась она.

– Ваш муж всего лишь хотел, чтоб его Лиза осталась прежней, но она не смогла. Быть может, и он не смог, ведь в семье всегда виноваты двое. Только Леонид нашел в себе силы жить своей жизнью дальше, а вы нет.

Лиза еще долго молчала, пока наконец не обняла меня. Я совсем не ожидала и осталась приятно удивлена ее внезапной эмоциональностью.

– Спасибо, я обязательно найду путь к себе.

– Теперь я в этом не сомневаюсь.

Лиза ушла, а я, как и намеревалась, заварила кофе и села у окна. Мне надо было как-то возвращаться в реальность и убедить себя, что Ларри – лишь приятный сон. Чему все мое существо упорно отказывалось верить.

«Ну что, попробовать найти его в Лионе? Но я не говорю по-французски, да и вообще, как это все будет выглядеть?»

Однако трудности перевода уходили на второй план перед вероятностью разыскать Ларри в этом огромном мире. Я открыла ноутбук и в поиске людей из наиболее популярной сети выставила французский город на двух реках Рона и Сона. Сеть спросила возраст и имя. Если с возрастным интервалом больших проблем не было, то имя Ларри могло быть в этом мире каким угодно.

«Придется посматривать всех лионцев!»

Прошел час, глаза устали, Ларри нигде не было, а в офис с минуты на минуту должна была подъехать очередная клиентка. В нижнем правом углу выскочило маленькое окошко со словом «привет». Этот привет был из чата сверхъестественного, о существовании которого я успела благополучно забыть.

Письмо пришло от пользователя Марии, которая обойдя дискуссии сайта, написала мне личное сообщение.

«Привет, Майя! Меня зовут Мария, и со мной время от времени происходит то же самое...»

Глава 3

Глеб

Я не сразу поняла, что в дверь стучат, отвечая на сообщение Марии:

«Прошу вас встретиться и обсудить...»

«Нет».

«Давайте обсудим все при встрече. Предлагаю пересечься в городе для беседы за чашечкой кофе!»

«Да, так лучше».

Я отправила сообщение и крикнула:

– Входите!

Дверь открыл худощавый парень, довольно стильной наружности и совершенно неопределенного возраста.

– Прошу, присаживайтесь, – я указала на кресло и посмотрела в свои записи.

Парню было двадцать три, он просил называть себя Дин и страдал бессонницей.

– Дин, – обратилась я к парню, – желаете чай или кофе?

– Кофе, – ответил он, усаживаясь в кресло.

– Опять не спали? – я направились на кухню.

– Угу, – кивнул он и достал из кармана телефон.

Телефон загорелся, и Дин ловко нажал на какое-то приложение. Оно открылось, чуть ярче озарив его серьезное лицо. Брови парня нахмурились, правая рука чуть заметно затряслась и скользнула по всплывшей экранной клавиатуре.

– Вам с сахаром? – намеренно тихо произнесла я.

Он не ответил, лишь набирал из букв слова, а из слов предложения.

– Дин! – на этот раз крикнула я, и он поднял озадаченный взгляд. – Там что-то важное?

– Нет, просто в Интернете кто-то снова не прав, – он постарался улыбнуться, озвучивая знаменитую шутку.

Готовя Дину кофе, я уже точно знала, почему он не спит по ночам.

– Дин? – я подала ему кружку горячего напитка.

– Ммм? – он поспешно убрал телефон в карман.

– Вы часто посещаете Интернет?

– Эм, – он почесал в уголке глаза. Именно так мозг берет время на обдумывание заведомо ложного ответа. – Нет, не часто. Так же, как и все, – время от времени залезаю проверить.

– Проверить что?

– Ну, может, написал кто-то, – он снова выдавил маскирующую эмоции улыбку.

– Эти диалоги как-то влияют на вашу жизнь? Они личного характера, а может, об учебе?

– Эм, личного? Нет. Там все нормально, у меня есть девушка, и мы каждый день встречаемся лично. В чатах, там, скорее, своя атмосфера, что ли. Если вы понимаете, о чем я?

– Хм, нет, не понимаю! А о чем вы?

– Ну вот, что есть честь и бесчестье, правда и ложь, добро и зло...

– Кхе, – я снова поперхнулась, на этот раз напитком и вовсе не из-за Ларри. – Простите, что?

Дин мотнул головой и уставился на меня, будто сам не понимал, что именно из всего сказанного смущало и резало слух.

– Вы общаетесь в Интернете с людьми, выясняя, что есть эти вечные понятия?

– Да...

Мои слова снова не вызвали в нем ни тени сомнения.

– Дин, но ведь все люди разные! Вы не глупый человек, наверняка, слышали об этом?!

– Люди разные, но понятия для всех одинаковые, – он чуть подался вперед, словно доверял мне секрет.

– Нет, Дин. Все разное, от образа жизни и мышления до ценностей и вечных понятий.

– Нет, постойте, но добро и зло ведь различимы? – он, наконец, наложил руки друг на друга открытыми ладонями, что означало – его мозг был готов принять новую информацию.

– Вы расстанетесь со своей девушкой сегодня – это хорошо или плохо?

– Это плохо и для меня, и для нее, потому что мы любим друг друга, – уверенно ответил Дин.

– Но для того, кто давно безнадежно влюблен в вашу девушку хорошо, не так ли?

– Все так, но на чужом несчастье счастья не построишь...

– Тогда женитесь!

– Обязательно, в будущем!

– Нет, – отрезала я. – Женитесь сегодня!

– Мы еще не окрепли как пара, – уставая от меня, начинал ерзать Дин.

– Что значит, не окрепли как пара?

– О, боже, вам все надо пояснять! – сорвался он.

Я лишь поджала губы и развела руками.

– Нам надо проверить чувства и тогда уже переходить к такому ответственному шагу, как брак.

– А если чувства не выдержат проверку временем?

– Ну, тогда расстанемся.

– То есть сегодня для вас расставание с девушкой – событие негативное. Но в будущем оно может приобрести позитивный оттенок? Так?

Дин помолчал, словно еще раз проверял на верность свои утверждения, и вскоре одобритительно кивнул.

– То есть сегодня вы готовы бороться за эту правду, что расставание есть зло. Но спустя время вы способны признать, что оно во благо?

– Ну, я ж говорю, все зависит от обстоятельств – пройдут ли чувства проверку временем, – уже глядя в пол, убеждал меня, а заодно и себя, Дин.

– Вот видите! Сегодня одно событие есть зло, но спустя время оно становится добром. Так есть ли смысл биться за понятия добра, которые мало того что не являются добром абсолютно для всех и каждого, так еще и завтра могут превратиться в зло?

Дин вздохнул:

– Так что делать?

– Если вы хотите становления в обществе, вам надо выбрать другой путь, потому как этот вас изнурует.

– Какой? – Дин забыл про кофе и закопал тонкие пальцы в безупречную укладку.

– Там, где вы перестанете сомневаться в своей правоте.

– Что? – скривился он. – Да я сижу в чатах, потому что доказываю другим то, в чем сам абсолютно уверен.

– Нет, – я отпила кофе и взглянула в окно, – тот, кто уверен в своей правоте, не станет ее никому доказывать. Это непоколебимое знание не требует лишних слов и не входит в резонанс с сомнением.

– Не понял?

– Запомните, Дин, на всю жизнь, – я перегнулась через подлокотник, – вас способны задеть лишь те вещи, в которых вы сами не уверены. Проанализируйте, какие слова и выра-

жения вас раздражают, и вы внезапно обнаружите все свои проблемы, которые сами подадут вам сигнал.

– Хм, – задумался Дин, – да меня почти все раздражает, что они там пишут!

– Тогда просто признайте, что вы не идеален. Что вы тоже можете ошибаться, как и все эти люди.

– В смысле? – его лицо снова исказилось.

– Ну, никто не идеален, и вы тоже. Просто признайте это.

– Ну, я как бы стремлюсь быть идеальным, – Дин потер переносицу, гордясь своими словами и одновременно стесняясь их.

– У вас есть какая-то определенная цель?

– В смысле, цель? Я опять вас не понял!

– Ну, вот вы станете идеальным, а дальше что? У вас какой-то план? Не просто так же вы стараетесь?

Он вытаращился на меня, а потом вдруг замялся:

– Ну, чтобы, видимо, никто не смог меня ни в чем упрекнуть...

– Ммм, то есть, если вы станете идеальным, то сможете безнаказанно упрекать других.

Так?

Его глаза забегали по комнате.

– И что это значит с точки зрения психологии? – почти прошептал он.

– А с точки зрения психологии это значит, что вы хотите бить, но не получать при этом сдачи. Однако можно ли такой бокс назвать честным или добрым? Подходит ли он под те понятия, за которые вы каждую ночь бьетесь, отказывая себе в мирном сне?

– Я параноик? – вдруг озадачился парень.

– Нет, – я надула губы, – просто нечестный игрок. Если вы указываете кому-то, как жить, будьте готовы последовать и его указаниям для честного равновесия.

– Так, а если я хочу сам решать, как мне жить и во что верить, то лучше...

– Воздержаться от советов.

Дин замолчал.

– Что ж, я буду стараться, но из этих чатов сложно выйти. Это в каком-то роде наркотик, – лишь спустя время признался он.

– Ну, наркотик не чат, а попытка в этом чате самоутвердиться.

– Так что мне делать?

– Смотрите, в чате вы, грубо говоря, повышаете свою самооценку. Но так как там абсолютно каждый стремится к этому, то в какой-то момент диалог превращается в бойню. Вам стоит лишь понять, что на экране вы бьетесь не за правое дело, а за балование своего эго. А хорошее и правое ли это дело – решать только вам. Но я верю, что есть и другие способы самоутвердиться в этой жизни.

– Пф, еще бы, – буркнул Дин. – То есть я не уверен в себе, но отчаянно стараюсь стать идеальным, поэтому туда хожу? – подытожил Дин, давая ироничную улыбку.

– Именно! – подняла я кружку, словно Дин произнес тост.

Парень достал телефон, покрутил его в руках и снова засунул в карман джинсов.

– Так как мне от этой зависимости избавиться? – парень мигом выбросил из головы все мысли, что его раздражали, задав довольно прямой вопрос.

– Вы действительно хотите этого? – наклонилась я к нему, изображая искреннее удивление.

Он недоверчиво кивнул.

– Попробуйте пожить без телефона сутки, – предложила я.

– Но если там за сутки опять будет кто-то не прав?

Мы рассмеялись.

– Послезавтра в это же время? – поднялся Дин.

– На самом деле, очень хочу взять неделю отпуска, – призналась я.

– Неделю? – он поднял брови. – Ну ладно. Не, ну установку вы мне дали, надо над собой работать, – Дин бросил мне кость, как говорят в психологии.

– Спасибо, – улыбнулась я.

Дин вышел из кабинета. Я тихо подошла к двери и припала к глазку. Парень стоял в трех шагах от двери и что-то активно печатал в своем телефоне.

Что ж, мне бы хотелось помочь ему быстрее, но для борьбы с любой зависимостью всегда нужно время, поддержка не столько психолога, сколько родных и близких.

Я села на прежнее место и подтащила к себе ноутбук.

«Вам будет удобно сегодня в двенадцать часов в центре?» – ответила Мария.

У меня как раз была пара записей после часа, сейчас же я оказалась совсем свободной.

«Может, раньше? Одиннадцать, одиннадцать тридцать?» – написала я.

«Хорошо, могу в одиннадцать», – тут же пришел ответ.

Мы договорились о заведении и обменялись телефонными номерами. Маша сообщила, что она блондинка и сегодня на ней красная кофта. На что я призналась, что брюнетка и в сером. Вскоре я вышла из офиса. Назначенное место было всего в километре, и, чтобы не искать место для парковки, я предпочла пройти пешком.

Понедельник радовал солнцем и золотой листвой. На еще мокром от ночного ливня асфальте блестели лужи, укачивая подгнившую листву и отражая старинную лепку зданий.

Я свернула за угол. Теплый свет за высокими стеклянными дверьми приглашал зайти в уютное помещение. Преодолев две ступеньки, я вошла внутрь. По кофейне разносился пряный аромат, а надписи на огромной черной доске над барной стойкой сообщали довольно экзотический список сортов.

– Майя? – послышалось сзади.

У окна сидела приятная молодая особа с обворожительно улыбкой ярко-красных губ. Я подошла и подала руку.

– Мария?

– Приятно познакомиться, – привстала она.

– Будете заказывать? – тут же подбежал официант.

– Чай с жасмином.

– Мне тоже, – согласилась Мария.

Официант кивнул и убежал за барную стойку.

– Эмм, с чего бы начать, – видя нерешительный взгляд Марии, призналась я.

– Вам тоже неловко? – заулыбалась она.

– Это естественно и нормально, мы первый раз видим друг друга, а тема разговора более чем деликатная.

– Да, да, вы правы! – оживилась Мария. – Мне очень неловко начинать...

– Тогда я начну!

Худой, как тростинка, официант подбежал и выставил с подноса на стол подставку с пылающей свечой, стеклянный заварной чайник и две прозрачные кружки. Мы замолчали, выжидая, когда он уйдет.

– Ммм, – я попыталась начать свой рассказ, – позавчера ночью мне приснился странный сон. Впрочем, если не считать его чрезвычайно подробным, этот сон был с довольно обычным сюжетом, позаимствованным, скорее, в Голливуде, чем в закромах моей памяти. Однако в том сне я жила и чувствовала гораздо ярче, чем в реальной жизни.

Мария часто заморгала и потупила взгляд.

– Я была другим человеком, точнее собой, но словно из параллельной реальности. И, – я невольно выдержала паузу, – там был человек, в которого я влюбилась. И все, что с нами

происходило, было настолько живо, что я ни разу за ночь не подумала, что проживаю это все во сне.

Глаза Марии заблестели больше обычного, и она подняла глаза куда-то высоко к потолку, стараясь не выпустить внезапные слезы.

– Ой, – виновато произнесла она, начав махать перед лицом салфеткой.

– Если хотите, можем сменить тему?!

– Нет, нет, продолжайте!

– Прошлой ночью я снова была там. Я узнала название города и страны, где живет Ларри – мужчина, в которого... – я помахала рукой так, словно перекручивала пленку, чтобы не повторяться.

– Угу, я понимаю, – закивала Мария и все-таки применила салфетку, чтобы осушить свои глаза.

– Именно тогда я поняла, что этого мира не существует. То есть он существует параллельно нашему, но в каком-то недоступном месте, если можно так выразиться. Туда нелегко попасть, и я не знаю, как мне удалось, и не приложу ума, удастся ли снова...

Мария еще раз промокнула салфеткой накрашенные глаза и разлила из чайничка по кружкам ароматный чай.

– Я была там четыре раза, – тихо произнесла она. – Но это четырехдневное путешествие полностью изменило мою жизнь. Я никогда не стану прежней, никогда не смогу забыть Михаила.

– Он из России? Возможно, вы смогли бы найти его... – оживилась я.

– Он не родился в этом мире... – горечь сковала тисками ее горло, и она, сойдя на хрип, снова расплакалась.

– Мария, – я прикоснулась к ее рукам. – Я буду завтра весь день дома, приезжайте ко мне на обед? А?

Мария торопливо закивала в ответ.

– Простите, – она вытащила из сервировочного стакана последние салфетки. – Благодарю, так будет лучше. Я просто не могу здесь говорить... А говорить придется немало!

– И я обещаю рассказать все в подробностях. Возможно, вместе мы найдем намного больше истины, чем поодиночке.

– Я уверена... – Мария снова расплылась в широкой и невероятно приятной улыбке.

Мы допили чай, говоря исключительно о настоящем мире и своей роли в нем. Мария оказалась фитнес-инструктором, невероятно позитивной, но такой же одинокой, как и я, женщиной. Мы тепло попрощались, договариваясь о новой встрече, и вскоре я выбежала из кафе к очередному клиенту.

Работа не давалась, мысли раз от раза соскакивали с профессиональной канвы и неслись в призрачный Лионис. Я отчаянно пыталась помочь, но в какой-то момент просто сдалась и извинилась за прием. Отменив двух оставшихся клиентов, я снова погрузилась в поиски Ларри на просторах Интернета. Монотонное копание в профайлах успокаивало, а главное давало надежду, ведь без нее мне становилось совсем худо.

Два часа пролетели незаметно, я не нашла ни единого совпадения, зацепки, еле заметной нити.

«А, может, Ларри тоже не родился в этом мире, как и Михаил?» – пронеслась мысль, мгновенно вызвав головную боль.

Мне надо было отвлечься и как-то дожить до вечера, чтобы снова улететь в долгожданный Лионис.

Послеобеденный проспект встретил мелким дождем. Небо затянули тучи, над городом поднимался ветер.

Я быстро доехала до дома в преддверии пробок и, припарковавшись на стоянке, открыла запотевшие стекла. В салон ворвалась морось и свежий ветер, принесший запах осени и чрезмерную тоскливость. Такая дыра образовалась в душе без Ларри, что, казалось, эти мелкие капли теперь могут беспрепятственно пролетать сквозь меня.

«Вдруг это сон? Всего лишь сон?» – болью отдалось в голове.

Я ступила на мокрый асфальт. Щелкнула сигнализация, и, укутавшись в ветровку, я рванула к подъезду. Ветер усилился, превращаясь в порывистый, предвещающий начало бури. Когда я добралась до дома, с улицы уже вовсю доносились раскаты грома. В комнатах резко потемнело, и вскоре по железному откату заколотили крупные капли.

Я любила грозу – мне так было уютней. Я укрылась на кухне, приглушила свет, приготовила легкий ужин и уселась перед компьютером. Там оставалось не так много надежды, как прежде, но отступить от поисков я не могла. Всякий раз перед глазами всплывала картинка кладоискателя, который проделал немалый путь в поисках золотого ларца. Но когда до сундука оставалось копнуть всего пару раз, он просто сдавался, так и не узнав, что был в двух махах лопатой от своей мечты.

Стемнело, и, возможно, мне оставалось копнуть всего пару раз, но я сдалась. Шея затекла, а глаза разболелись от усталости. Я легла в кровать и обняла подушку. За окном хозяйничала буря, играя с воздушной занавеской сквозь щель в приоткрытом окне. Веки тяжелели. Я определенно засыпала, как вдруг окно принялось менять форму. Оно вытянулось к полу, а сквозь его темноту вдруг прорезались огни большого города. Я почувствовала знакомый запах, а с ним и тепло спящего позади Ларри.

За стеной что-то обрушилось, гроыхая и распадаясь на части. От испуга я подскочила на кровати.

«Что произошло? Я все еще Майя. Ларри рядом нет, переход не случился... И что это, черт возьми, за грохот? А главное, в чем мире он произошел?»

От одной мысли о взрыве в квартире Ларри меня бросило в холодный пот. Вскоре громовую тишину нарушил женский крик – я поняла, что это снова расшумелись соседи.

«Завтра надо будет к ним зайти, поговорить об этом...» – прикинула я.

Голова снова коснулась подушки, а уставшие веки закрылись.

Я проснулась посреди ночи. За окном размеренно стучал дождь, а за спиной кто-то спал. Мое лицо озарила счастливая улыбка, и я повернулась, чтобы обнять Ларри. Вместо него меня встретил недовольный Маркиз. Он оцарапал руку и нервно перепрыгнул в кресло.

«Как, я еще здесь? Но почему?»

Внизу по лужам проехал автомобиль и остановился у подъезда. Хлопнула дверь, и кто-то позвонил в домофон. У соседей раздалась навязчивая мелодия. Я устало заглянула в телефон.

– Три часа ночи! Это уже ни в какие ворота не лезет!

Вскоре тишину нарушили резкие мужские голоса. Я нервно схватила подушку, одеяло и, вскоре оборудовав спальное место в зале, легла на диван.

Если бы можно было не работать, я бы с радостью обменяла эту квартиру на дом в лесу. Здесь никогда, ни при каких обстоятельствах невозможно было почувствовать себя по-настоящему одиноким человеком.

С трудом, но я все-таки уснула. Наутро я открыла глаза все в том же месте. Меня встретило мурчание Маркиза – он ластился и поднимал головой руку, стараясь разбудить. Обычно он так просил еду, но я точно помнила, что еще вечером его кормушка была полна. Сообразительное животное словно тянуло за руку и торопливо бежало к краю дивана. Маркиз замер на подлокотнике и издал протяжное мяу.

Мне не хотелось вставать. Апатия одолела, и я чуть не расплакалась лишь от того, что ночью не видела снов.

«Ларри, был ли ты всего лишь сном? Повторишься ли когда-нибудь со мной снова? Увижу ли я еще в своей жизни твои глаза, почувствую ли запах, узнаю ли снова твой поцелуй?»

– Мяу-у-у!

– Ну, что там?

– Мяу-у-у.

Он подбежал к моей руке снова.

– Ладно, ладно, встаю!

Я взглянула на часы – был полдень.

– Да уж и вправду надо вставать, а то так в синдром спящей красавицы можно впасть.

Вскоре Маркиз привел меня на кухню и, словно сыскной пес, застыл у балконной двери. Я покосилась на него, занявшись приготовлением кофе.

– Ну, и что ты там забыл? Небось, голуби прячутся от дождя, ах ты, проказник!

Неугомонный питомец то скребся, то обнюхивал дверь, когда я заметила на балконе незнакомый черный пакет. Он был спрятан в углу, куда не попадал дождь, а единственный путь, откуда он мог туда попасть, – через тонкую перегородку с балкона соседей. Я открыла дверь, и прохладный ветер ворвался в дом. На улице пахло сыростью, а небо снова затянуло плотными серыми тучами. Маркиз проскочил под ногами и застыл у пакета, изучая букет незнакомых запахов.

«Опять бомба?!» – мелькнуло в голове.

Но я быстро сообразила, что в этом мире от меня избавляться некому. Я ступила на бетонный пол и осторожно наклонилась к находке. Заглянув в темный пакет, я ничего не смогла различить. Пришлось осмелиться и открыть пакет шире. Глаза наткнулись на черную матовую поверхность какого-то прибора. Холодный порыв ветра заставил быстро решиться – я схватила тяжелый пакет и втащила его в дом. Передо мной предстал оборудованный прямоугольным экраном прибор. Вокруг роились с три десятка кнопок, несколько рычажков и крутилок, а также разнокалиберные штекерные отверстия. Я никогда не видела таких приборов или просто не обращала на них внимания. Такие аппараты всегда были слишком сложны для меня или для того, чтобы в них всматриваться, а тем более вдумываться.

Однако больше тревожило меня даже не назначение этой вещи, а ее принадлежность.

– Надеюсь, эта штука не краденая, – заваривая кофе, предупредила я Маркиза, – ты бы отошел от предмета, а то повсюду оставишь свои отпечатки носа!

Несмотря на мои предупреждения, Маркиз не отреагировал.

На балконе что-то зашуршало. Я наклонилась к двери и увидела удивленное лицо Глеба – подростка, что жил по соседству. Он испуганно зыркнул в угол, где еще совсем недавно стоял черный пакет, и торопливо засобиравшись обратно.

– Стой! – крикнула я, открывая балкон.

Парень скрылся.

– Стой, кому говорю! – крикнула я в пустоту.

Решительным шагом я вышла на лестничную площадку и позвонила в дверь. В глазок кто-то посмотрел, однако не торопился открывать дверь.

– Глеб, открывай! Я тебя не сдам, давай просто поговорим.

Я понятия не имела, куда и кому мне сдавать Глеба. Но судя по всему Глеб знал, потому как вскоре дверь отворилась.

– Давай, заходи! – я по-приятельски махнула ему следовать за мной.

Он нерешительно выглянул на площадку, но вскоре вынул из замка ключ, захлопнул оббитую козамом дверь и робко ступил на мой порог.

– Проходи, я не кусаюсь, – я крикнула уже из кухни.

Входная дверь тихо закрылась, и в коридоре слышалось тихое шорканье тапочек.

– Кофе будешь? – повернулась я к Глебу.

Тот молча кивнул и уставился на черный пакет.

– И что там? – я подала ему кружку, кивнув на находку.

– Трансивер, – почти прошептал подросток.

– Чего?

– Трансивер айком ай си семь тысяч восемьсот.

Я нахмурила брови и села на стул.

– И откуда он у тебя?

– Сам собрал...

– Не украл? – подозрительно переспросила я.

– Нет, нет, – юноша испуганно замотал головой.

– А что за ребята ночью приезжали?

Глеб сделал шаг назад.

– Да не бойся, – я подтянула его к столу и усадила напротив себя. – У нас же стены из фанеры, все слышно.

– Ну, они, это... – его глаза осматривали кухню и никак не могли остановиться, так сильно он нервничал.

– Что? Это...

Мой телефон вдруг зазвонил. Я вскочила с места и вбежала в зал. На экране высветился номер Марии.

– Доброе утро! – поприветствовала я.

– Доброе утро, Майя! Сегодня все в силе?

В следующее мгновение я услышала, как хлопнула входная дверь.

– Глеб, – крикнула я, выбегая в коридор.

Парень испарился, прихватив с собой трансивер.

– Ай, черт!

– У тебя гости? – тут же отреагировала Мария.

– Нет, соседский парниша заходил. Он у меня на балконе одну штуковину прятал, так я допытывалась от кого и зачем...

– А-а-а, – протянула Мария, судя по всему улавливая довольно мало смысла в моих словах.

– Впрочем, неважно, – отрезала я, – когда ты приезжаешь?

– Через полчаса думаю выходить. Мне до тебя не меньше часа езды.

– Хорошо, тогда жду!

– Ну что за человек, – с этими словами я опустила телефон и вскоре снова вышла на площадку. На этот раз звонки, стуки и уговоры не помогли. Глеб не отвечал на них и всячески меня игнорировал.

– Я еще вернусь, слышишь? – пообещала я и вернулась в дом.

Набрав в окне браузера новое для себя слово «трансивер», я увидела уже знакомый мне аппарат, который оказался приемником и одновременно транслятором радиоволн.

– Радиоволн? – я снова заговорила с Маркизом. – Как этот аппарат может кого-то поднять с постели среди ночи и заставить приехать в незнакомый дом? Этот ребенок что-то транслировал запрещенное? А, может, принял шпионский сигнал?

«Но если он принял, как об этом могли узнать? Значит, транслировал... Но что? Ладно, надо будет поинтересоваться у его родителей. Еще агента ноль ноль семь по соседству не хватало!»

Примерно через час раздался звонок домофона. А спустя пару минут я снова увидела широкую улыбку Марии и приветливо заулыбалась в ответ.

Мы расположились на кухне. Пока я занималась готовкой китайской лапши, Мария предложила открыть вино и выпить за знакомство.

– М-м-м, французское, – потянула я, изучая бутылку бургундской формы.

– Надеюсь, тебе понравится, – Мария приняла из моих рук штопор и ловко ввинтила его в пробку.

Раздался глухой «пух», и по моим рукам пробежала мелкая дрожь. Совсем недавно я слышала такой же в квартире Ларри.

– Майя? – поднесла бокал Мария. – За знакомство!

– За знакомство!

Я была рада, что вкус оказался иным, иначе волна воспоминаний снова грозила накрыть меня, надолго погрузив в свои воды.

– Майя, могу я просить тебя начать свой рассказ первой? – заговорила Мария, устроившись на стуле у окна.

– Кхм, – уйти от воспоминаний не представлялось возможным, – хорошо, я попробую рассказать во всех подробностях.

Когда я закончила рассказ, лапша не только приготовилась, но и успела остыть. Мария, кажется, не моргала. Она удивленно смотрела на меня, внимая каждому слову. Мне было довольно тяжело вспоминать все это. Но неожиданно, закончив, я почувствовала облегчение. Тяжесть ушла, и, даже понимая, что это на время, мне было приятно освободиться от груза, поделившись пережитым.

– Удивительно, – наконец произнесла она. – Ты когда-нибудь хотела стать врачом?

– Хотела, правда так сложилось, что я сдалась, провалив вступительные экзамены. Но я рада, что Эмма не сдалась!

– Так получается, мы разные с нашими... Как бы это правильнее сказать...

– С нашими копиями в параллельных мирах?

– Угу...

– Да, мы разные. Не знаю насколько, но в психологии ни для кого не секрет, что однояйцевые близнецы – люди, по своей сути являющиеся клонами, – воспитанные различными семьями в отличных друг от друга социальных группах могут вырасти совершенно разными людьми.

– М-м-м, – задумчиво протянула Мария, сделав небольшой глоток вина.

– Так, куда же путешествовала в своих снах ты? – я тоже пригубила вино, демонстрируя готовность услышать ее невероятную историю.

Гостья смущенно опустила голову.

– Наверное, достигнута нужная кондиция, – заулыбалась она.

Вдруг в дверь позвонили. Я выпрямилась от неожиданности, а звонок вскоре повторился. Объяснившись с Марией жестами, я вышла в коридор и открыла входную дверь. На площадке стояла Лариса – мама Глеба.

– Майя, – тревожно заговорила она, – ты не видела Глеба?

– Видела, – уверенно ответила я.

– Когда? – с надеждой в голосе протянула она.

– Да где-то пару часов назад, – прикинула я. – Он зашел ко мне за какой-то штуковиной, с которой потом и сбежал. Кстати, вы не подскажете, это случайно не из-за трансивера к вам посреди ночи приходили люди?

Лариса оторопела.

– Майя, о чем ты?

Я замолчала, еще раз сопоставляя факты в единую логическую цепочку.

– Ну, люди, что приезжали к вам ночью...

Она недоверчиво прищурила глаза.

– К нам никто не приезжал ночью, Майя. Да, впрочем, и днем тоже... – она задержала на мне свой удивленный взгляд. Мне же было нечего на это ответить. – Сегодня Глеб должен

был со всей группой пройти обязательный медосмотр, но из колледжа позвонили, что он не пришел. Я просто пытаюсь выяснить, во сколько он вышел из дома и куда направился, Глеб не берет трубку. Он вечно ходит в своих огромных наушниках и совсем не смотрит по сторонам, когда переходит дорогу, – Лариса развела руками и покрутилась, показывая все возможные радиусы, откуда ее сыну может угрожать опасность.

– Эм, я думаю, если бы с ним что-то случилось, вам бы позвонили сами. Обычно милиция и скорая пытаются очень оперативно связаться с родственниками. Не волнуйтесь. Эти подростки вечно спасают мир, вместо того чтобы лишний раз позвонить матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.